

Yudin 2013

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИЛЬЯ КРЫМОВ

ДЕТИ СИЛАНЫ. ПАУК ИЗ БАШНИ

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К85

Серия основана в 1992 году
Выпуск 858

Художник
О. Юдин

Крымов И.
К85 Дети Силаны. Паук из Башни: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 570 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1535-9

Грядет смена эпох, век девятнадцатый от Низложения Кафаэриса подходит к концу, век двадцатый уже на пороге. Старклар, как и вся Мескийская Империя, готовится к празднованию светлого праздника Йоля, чтобы проводить старый век и поприветствовать новый.

Но не только туман и мороз разгуливают по заснеженным улицам ночной столицы. Нечто бесчеловечное прячется в грязных переулках трущоб, поджидая своих жертв. Кровавые расправы ужасают подданных империи, распалая межвидовую ненависть, высокопоставленные чиновники погибают загадочной смертью в собственных особняках, агенты тайной службы пропадают без следа, и невесть откуда взявшиеся террористы совершают один ужасающий теракт за другим. Кто-то решил расшатать трон под священной особой Императора. Кто-то жаждет падения Мескии. Волей монарха Бриан л'Мория — тэнк-рис-полукровка, мастер темных дел и первый сыщик империи — берется за расследование. Отныне он должен либо раскрыть заговор безымянного врага, либо умереть.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1535-9

© Илья Крымов, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Свет свечи лизнул мое лицо. Сплю я чутко, а потому просыпаюсь от любого шороха, не говоря уже о свете. Старательно делая вид, что просто ворочаюсь во сне, я просунул руку под подушку и нащупал рукоятку револьвера.

— Хозяин?

Я отпустил оружие.

— Что тебе, Себастина?

— Простите, что посмела нарушить ваш сон. В вас нуждается корона.

Она любит напыщенные фразы. «В вас нуждается корона» — совсем не ново. У Себастины есть такая слабость, она очень любит гордиться мной, всячески выпячивать мою значимость в глазах обществуности, чтобы все вокруг видели, какому важному тану она служит.

— Если кого-то убили, то это может подождать. Мертвые никому не торопятся.

— Вы правы как всегда, хозяин, но инспектор Аберлейн ждет вас в вашем кабинете с устным императорским поручением. Я осмелилась предложить ему чаю.

Пятый час ночи, за окном зима, до рассвета еще очень далеко. Укутавшись в халат, я покинул спальню и пошел за Себастиной, несущей настольный подсвечник.

— Сидите, инспектор, — сказал я, входя в свой кабинет.

— Мое почтение, тан л'Мория. Простите за столь поздний визит.

— К делу.

— Да. Вас просят немедленно прибыть в Сады на улицу Магнолий.

— Хм, к господину де Моранжаку? Он самый важный житель этой, с вашего позволения, улицы, насколько я помню.

— Да...

— Если его опять обокрали, то это ваше дело, инспектор, и мои услуги ему не понадобятся.

— Господину де Моранжаку и его семье... — Офицер Ско-

альт-Ярда осекся, настороженно глянул на Себастину, что не укрылось от меня.

— Я доверяю Себастине как самому себе.

— Да, простите. Господину де Моранжаку и его семейству больше ничего не понадобится, кроме, пожалуй, погребальной церемонии. Они найдены мертвыми за обеденным столом. Все слуги также мертвы. Император пожелал, чтобы вы немедленно приступили к расследованию, соответствующее распоряжение будет утверждено Императорской канцелярией в ближайшие часы.

Я помолчал некоторое время, услышанное надо впитать, а то просто не верится! Верховный государственный обвинитель и все его семейство отправились в свое Изначальное Царство... или в какое там посмертие верят люди? А Император приказывает мне...

— Слово Императора — закон. Дайте мне собраться.

— Конечно.

Себастина помогала мне одеться.

— Запонки, хозяин.

Запонки моего отца, старомодные, крупные, из почерневшего серебра в форме щитов. В каждую вставлено по выпуклому ярко-желтому янтарию. Единственная материальная память о нем, которую я всегда ношу с собой.

— Зеркало.

Хм, белки налиты кровью от хронического недосыпания, а в остальном все как всегда. Мужчина, тэнкрис, выгляжу старше своих лет (спасибо военному прошлому), волосы черные, не по моде коротко стриженные, кожа белая, без перламутрового отлива (увы, нет во мне древнейшей крови), зрачки вертикальные, как и у всех тэнкрисов, цвет багровый — от отца. Он пришел из Темноты вслед за матерью, и скверный цвет глаз — это его мне наследство вместе с резкими чертами некрасивого по нашим меркам лица. Впрочем, меня всегда все устраивало.

По привычке огладив серый пиджак, я принял плащ-пальто и цилиндр. Не забыл захватить трость и вышел из дома. Себастина последовала за мной.

Я редко бываю в Императорских Садах, ибо мне нечего делать в этом приюте изнеженных и пресыщенных хозяев жизни. Между ними и мной существует некий обратный симбиоз, если можно так выразиться. Знать не желает видеть меня, а я не желаю обретаться в ее кругах. Поэтому и живу в Олдорне, районе спокойном, пристойном, но не таком престижном.

Особняк де Моранжаков, четырехэтажный дворец с фигурными колоннами, окруженный парком, находится на улице Магнолий. Улицы в Императорских Садах имеют весьма условное значение, поскольку резиденция каждого уважающего себя аристократа или высокопоставленного чиновника всенепременно окружена большим ухоженным парком. В последние годы стали считаться

модными лабиринты из живой изгороди и деревья, подстриженные в правильных геометрических формах. Все-таки разумным существам свойственна склонность к издевательствам над природой. Обычно соседи ездят друг к другу в гости в каретах.

Казенная карета въехала в кованые ворота с фамильным гербом де Моранжаков и подвезла нас к парадному входу. Окунувшись в ночной предрассветный холод еще раз, мы проследовали внутрь. На всякий случай, больше из собственной прихоти, чем из необходимости, я приколотл прямоугольник инсигнии, знак моих высших полномочий, на повязку-галстук. До сих пор нравится ощущать реакцию людей, когда они понимают, кто этот тэнкрис, идущий навстречу.

Я двинулся в трапезную впереди инспектора, показывая, что бывал здесь раньше. Констебли стоят чуть ли не на каждом шагу, все осматривают, проверяют, что-то строчат в блокнотах. Ох, господа, если бы от вашей нарочитой занятости была хоть какая-то польза, спать бы мне сейчас спокойно в своей кровати!

Де Моранжак любил пунктуальность и консервативные порядки во всем, поэтому его семейство трапезничало три раза в день и всегда вместе. Кормить детей вне этого времени и не за общим столом он категорически запрещал. Вместе обедали и вместе умерли — просто мечта человека, помешанного на пунктуальности! Хотя сомнительно, что покойный мечтал о чем-то подобном.

— Приветствую вас, господа. — Я притронулся к узкому полю своего цилиндра и кивнул всем собравшимся криминалистам Скоальт-Ярда. — Что у нас тут? Семейство де Моранжаков в полном составе? Тумс?

— Доброй ночи, тан л'Мория. Ничего не тронуту, ждали вас.

Арнольд Тумс — один из немногих действительно толковых криминалистов и патологоанатомов Скоальт-Ярда, а также коронер. Человек в высшей степени скромный и спокойный, крупная и круглая лысая голова, заметная сутулость, очки с толстыми стеклами и выдающийся вперед горбатый нос. За неказистой внешностью скрывается яркий интеллект, что редкость для большинства сынов рода человеческого.

— Мне нужно свободное место. Прошу всех выйти. Тумс и инспектор Аберлейн, останьтесь. Себастина!

— Хозяин работает, пожалуйста, выходите. — Она закрыла за недовольно гудящей группой экспертов двери, и я приступил.

Пять тел. Сильвио де Моранжак, его супруга Клара, две их дочери-близняшки Констанция и Мария и младший сын Адольвин. Мертвы.

— Маги уже провели предварительный осмотр?

— Да, тан. — Тумс показал мне планшетку. — Это весьма странно. Первый раз в моей практике.

— То, что люди умирают, совсем не странно. Странно, когда

они умирают вот так, как де Моранжаки, — я бегло ознакомился с записями, — просто перестав дышать.

Стол был накрыт, семья обедала, еда осталась на тарелках, Сильвио лежит лицом в своем втором, в холодной руке бокал с недопитым вином, его супруга свесилась через подлокотник стула, вилка лежит на ковре под ее рукой, близняшки откинулись на своих стульях, держа руки на подлокотниках, и только стул мальчика перевернут, а сам он лежит под окном у противоположной от двери стены. Я внимательно осмотрел все тела, по возможности не тревожа их. Расстановка вот такая: обеденный стол прямоуголен, зал тоже, слева от стола окна, выходящие в сад, справа стена с дверью, за спиной Сильвио де Моранжака камин, он сидит во главе стола, дочери на левой стороне, спиной к окнам, супруга одна на правой, спиной к двери, а Адольвин напротив отца. Все, кроме мальчика, умерли на своих местах. У детей на лицах застыло выражение крайнего ужаса, а вот родители, видимо, восприняли свой конец с неким философским спокойствием. Я осмотрел окоченевшие кисти их рук, заглянул в лицо покойной леди, в остекленевшие глаза мальчика, не поленился и оторвал верховного государственного обвинителя от тарелки. Прошел к камину, потыкал кочергой в золу, осмотрел часы.

— Пробы еды и питья уже взяли?

— Конечно, тан, я подумал, что это не помешает следствию.

— Спасибо, Тумс. Инспектор, я хотел бы осмотреть дом, позже мы сюда еще вернемся.

Не спеша мы прошлись по первому и второму этажам. Тела слуг расположились очень занятно. Без системы, но по порядку. Повар лежит на кухне, дворецкий неподалеку от обеденного зала, он так и не донес поднос с чайным сервизом, умер посреди коридора, служанку нашли с метлой и совком. Получалось так, что все в доме умерли, занимаясь своими повседневными делами.

— Никто не бежал, никто не сопротивлялся, все просто взяли и отошли в мир иной. Слово «странно» здесь не подходит. Это чертовски странно! Хорошо хоть мальчик оставляет нам надежду.

— Мы рассматриваем гипотезу об отравлении газом. Господин де Моранжак отступал от старомодных взглядов в некоторых вопросах. В частности, он не обошел вниманием новое предложение хинопсов — газопровод, а также систему вентиляции.

— Неужели? А разве есть запах?

— Нет, но мы же не знаем, когда это произошло, — ответил Аберлейн. — Он мог и выветриться.

— Ваша гипотеза не терпит критики, инспектор, — сказал я, остановившись у красивых напольных часов. — Все эти люди умерли с интервалами в несколько минут. Газ так быстро не распространяется, сначала должен был отравиться повар, да и то не сразу. Хинопсы искусственно придают газу резкий запах, дабы при

утечке это стало заметным для всех. Если бы она произошла на кухне, поскольку был обед, его тело мог бы найти лакей или дворецкий, сообразить, в чем дело, и принять меры. Но этого не произошло. К тому же повар умер, не закончив дивный десерт. Я не понаслышке знаю, какие Франсуа Жебри делал кремовые и слоеные торты, а прах одного такого торта сейчас как раз остывает в духовой печи. Ее выключили недавно, скорее всего кто-то из офицеров. А если так, то газ, попав в духовую печь, поднял бы дом на воздух. Этого не произошло. Вообще чудо, что за все это время в духовой печи не начался пожар! Вы видели лица дворецкого и повара? Они спокойные, как и у госпожи де Моранжак, а вот служанка и двое лакеев явно умерли, испытывая настоящий ужас. Никто не корчит гримасы ужаса, задыхаясь от газа. Человек просто теряет сознание от недостатка воздуха. К тому же на улице зима, все окна и дверь плотно закрыты, дабы не впускать мороз. Некуда газу выветриваться, все должно было остаться здесь. По крайней мере, запах разложения здесь густой и насыщенный. Проветрите уже кто-нибудь!

— Но смерти одинаковые, тан. Они все просто умерли. Перестали дышать, их сердца остановились, и они...

— Первый постулат криминалиста: живые просто так не умирают! — отрезал я, хотя молодой инспектор и сам это прекрасно понимал. — Если человек умер не от старости, то ему что-то помогло. Болезнь, рана, яд. Тумс, все отчеты по вскрытиям должны быть как можно более подробны, результаты анализов пищи и питья, слепки аур, и пусть маги поторопятся! Они не мне одолжение делают, а служат короне!

— Да, мой тан, но с этим могут возникнуть проблемы. Я подумал тут... Видите ли, поскольку сии несчастные господа благородного сословия, их родственники могут воспротивиться... Вы же знаете, как они относятся к работникам морга. Одно название «Мертвецкая» уже не греет душу. А у тана л'Румара к тому же мрачная слава...

— Не имеют права. Здесь произошла резня, групповое убийство семьи высокопоставленного чиновника, и Император уже дал понять, что берет дело под свой личный контроль. Значит, ни благородные люди, ни тэнкрисы, ни главы благородных домов не могут вставлять палки в колеса мне и следствию. Если начнут вмешиваться, ссылайтесь на меня.

— Они будут. Отчеты будут, тан верховный дознаватель.

Я всегда рад стать кляпом, затыкающим глотку благородным домам, пусть хоть локти себе кусают! На этот раз Император на моей стороне!

— И еще, привлечите знающих из КГМ. На факультете военной криминалистики, говорят, появился очередной самородок.

Если де Моранжака убили колдовством, я хочу знать, как это произошло.

— Осмелюсь предположить, что и наши маги справятся, мой тан, — сказал Аберлейн.

— Гордость — костыль для неуверенного, мой друг. Это кабинет господина де Моранжака, насколько я помню?

Я указал на опечатанную дверь.

— Да, мой тан. Мы решили, что, пока там хранятся документы, могущие оказаться секретными или просто очень важными, стоит ограничить к ним допуск до соответствующего распоряжения.

— Кто приказал?

— Старший инспектор Вольфельд, мой тан.

— Старый пес. Вы получили соответствующее распоряжение. Мое. — Я сорвал сигнальные ленты и вошел. В кабинете трупов не обнаружилось, как и в прилегающей к нему малой библиотеке.

На огромном дорогом письменном столе царит идеальный порядок. Педантичный де Моранжак обожал такое состояние своего жизненного пространства, хотя в моих глазах издевательство над деревьями в саду все равно оправдать трудно. Я провел пальцем в перчатке по столешнице, порылся в ящиках стола, секретера и конторки, пробежал взглядом по картотеке государственного обвинителя.

У почившего была люпсова¹ хватка, он вел по десятку сложных и очень громких дел, обрушивая молот правосудия на головы весьма известных персон. Продажные политики, чиновники, берущие взятки, подворовывающие члены муниципалитета. Храбрый кусачий бульдог на глотке коррупции был частым гостем их ночных кошмаров. Сильвио де Моранжак, как бы он ни был неприятен мне при жизни, успел собрать завидную коллекцию влиятельных и родовитых врагов, пережил три покушения и упрятал в гостеприимные камеры Черепа-На-Костях кучу народа.

— Коррупция в Ковене магов, коррупция в налоговой службе, коррупция на таможне, надо же, какая толстая папка! Коррупция... О! Добрый господин де Моранжак тянул руки и к горлу Скоальт-Ярда тоже! Многие будут отмечать день его смерти как личный маленький праздник!

— Не думаете же вы...

— Спокойнее, инспектор, простите тану пристрастие к глупым намекам. Де Моранжак хотел было к вам подобраться, но вы переловили крыс раньше, чем он успел раздуть скандал. В частности, помните тот случай, когда за руку поймали зрителя хранилища вещественных доказательств? Парень продавал травку-муравку, веселящие камни и порошок кровавой икоты, которые должны

---

¹ От *фр.* *loup* — «волк».

были быть сожжены, уличным сбытчикам... А это что? Знаете, что это такое, Аберлейн?

— Не имею представления, мой тан.

Меня заинтересовал продолговатый плотный листок с изящным оттиском, на котором значилось название Старкрарского музея истинных искусств, часы и дни работы.

— Это билет на выставку, посвященную недавним победам в... в Малдизе. Выставленные экспонаты — драгоценности малдизской короны и священная статуя бога. Какого бога, не указано. Интересно.

— Простите, тан, но я не понимаю...

В коридоре поднялся шум.

— Что здесь происходит?!

— Доброй ночи, старший инспектор. — Я поприветствовал вошедшего, не поворачиваясь, и продолжил просматривать папки с грандиозными планами обвинителя на будущее.

— Аберлейн! — взбрыкнул Вольфельд, игнорируя меня. — Во имя всех мучеников, как вы посмели нарушить мой приказ?!

— Сэр, я не...

— Это я приказал открыть эту дверь. Полномочия прилагаются. Инспектор, вам же должно быть кристально ясно, насколько важным может оказаться содержимое сих бумаг для установления мотива убийства.

— Ах, вы уже определили, что это убийство! — Вольфельд стянул шляпу и сбил с нее горсть подтаявшего снега. — Мне не нравятся ваши методы, тан л'Мория, и привычка лезть в дела Скоальт-Ярда!

— Мои методы? А что с ними не так? Каждый должен служить империи и Императору в меру сил своих. А о методах мне никто ничего не говорил. К тому же, если бы не воля Императора, я бы сейчас преспокойно спал в своей кровати, а не имел истинное наслаждение беседовать с вами.

— Не прикрывайте свое неумное и неуместное желание хлебнуть новую порцию славы желанием монарха обеспечить соблюдение буквы закона!

— Увольте меня от этих недостойных вас обвинений, господин инспектор.

— Старший инспектор!

— Да-да. Какая разница! — пренебрежительно усмехнулся я.

— Я знаю, что у вас на уме, л'Мория! — На меня пахнуло порывом его гнева. — Вам лишь бы выставить честных и добросовестных слуг закона тупыми неумехами и шутами! Подорвать авторитет Скоальт-Ярда! Допускаю, что вы действительно верите, что несете пользу, но на самом деле вашу деятельность, кроме как вредительством, назвать никак нельзя, тан верховный дознаватель!

Я быстро проморгался:

— Во-первых, уберите, пожалуйста, морду и не нависайте, инспектор, от вас несет псиной. Во-вторых, из нас двоих уж скорее я знаю, о чем вы думаете, а не наоборот. Это факт неоспоримый. В-третьих, у вас куда больше возможностей выставлять коллег шу-тами, инспектор, против природного дара средств нет. Не мешайте работать, и тогда, может быть, вы услышите мои выводы среди присутствующих, а не прочтаете в отчетах после закрытия дела!

Шерсть на его морде встопорчилась, тонкие черные полоски, замена губам, расползлись, открывая полный комплект резцов и клыков, зрачки задрожали, расширились, как перед атакой. Не то чтобы я поверил, что он действительно бросится, но на всякий случай попытался вспомнить, взял ли с собой револьвер. В любом случае, пока Себастина рядом, я могу чувствовать себя в безопасности. Инспектор Яро Вольфельд, люпс на службе закона, молча развернулся на лапах и вынес свою мощную сгорбленную тушу вон, рыча на окружающих. Матерый волчара. И злопамятный тоже.

Лет пять назад, когда я был всего лишь старшим дознавателем, мне удалось обойти его в нашумевшем деле с мертвыми куртизанками, всплывавшими в водах Эстры. Скоальт-Ярд поручил дело Вольфельду. Старший инспектор рыл носом землю, но не в том направлении. Пока он искал серийного убийцу, душившего продажных девок, я взял за горло подпольное убежище фальшивомонетчиков. За две седмицы до того, как мертвые женщины появились в Эстре, был ограблен конвой казначейства, везший с литейной фабрики новые матрицы для печатных станков. Скоальт-Ярд наводнил Старкрар констеблями, проверялось все и вся, а фальшивомонетки тем временем работали. Куртизанок использовали как курьеров, пристегивали под платья сумки с фальшивыми деньгами в виде животов и отправляли в город. Ни одному блюстителю закона не пришлось в голову заглянуть под платья беременным шлюхам! Ну а после использования гораздо выгоднее и дешевле было пускать курьерш в последнее плавание, чем платить им, а потом и бояться, как бы эти тупые курицы не взболтнули лишнего. Я понял это, а Вольфельд — нет. В итоге после ухода на заслуженный отдых почтенного тана Тарзина л'Реко императорская печать легла под моим именем в назначении на должность верховного дознавателя, а Вольфельд все еще не получил комиссара. Каждому свое.

Тумс и Аберлейн облегченно вздохнули. Не расслабляйтесь, друзья мои, начальник еще устроит вам распекание.

— Вернемся в обеденный зал, у меня сложилась некая картина.

Я взял со столешницы стационарный настольный набор: визитница, часовой механизм, выемка для чернильницы, цилиндр для перьев, углубление с ножом для заточки перьев. Все это на одной красивой деревянной подставке.

— Подойдет. Себастина, неси за мной.

— Слушаюсь.

Вернувшись в обеденный зал, я еще раз все осмотрел и убедился, что ничего не упущено.

— Прошу внимания! — Я взял у Себастины настольный набор и поставил его на каминную полку. — Прежде всего, это, несомненно, убийство. Таково мое официальное заключение, которое будет внесено в предварительные записи по делу и протокол обыска места преступления. Случилось все три или четыре дня назад. Очевидно, во время обеда. На это указывает состояние тел, часовых механизмов и характерный запах. В доме присутствуют большие напольные часы производства фирмы «Флориш и Фокс», отменные, надо заметить, в моем жилище тоже есть изделия этой фирмы. Одного завода хватает не на сутки и не на двое, а на шестнадцать суток ходу, но к концу этого срока пружина начинает сдавать, и стрелки отстают, потому часы обычно заводят на три-четыре дня раньше. Обычные настольные часы «Флориш и Фокс» заводятся раз в сутки. Все вы можете видеть, что напольные часы уже отстают на несколько часов, вскоре встанут окончательно. Четыре дня назад их не завели. Маленькие часы, и каминные, и из кабинета покойного, замерли, не добежав до двенадцати. Все это вы и сами бы могли узнать, не поднимая меня с кровати. — Я с тоской взгляделся в светлеющую ночь за окном. — У меня нет никаких сомнений, что жертвы умерли одновременно. Дочери господина де Моранжака и его сын погибли, испытывая животный ужас, в то время как он сам... Себастина, будь любезна. — Она приподняла голову Сильвио, придерживая ее пальцами за виски. — Испустил дух во вполне спокойном настроении. Госпожа де Моранжак также ушла от нас совершенно тихо и безболезненно. Себастина.

Со спокойствием, вызывающим у всех присутствующих нервный тик, моя горничная приподняла голову покойной. За волосы.

— Как видите, госпожа де Моранжак словно бы заснула с открытыми глазами. Все просто, как двузубая вилка. Она не видела убийцу, ибо единственная сидела спиной к двери, когда он вошел. Господин де Моранжак не видел его тоже, ибо входная дверь находилась за пределами его бокового зрения, но он все равно умер. Его дети, напротив, успели взглянуть в глаза смерти. Себастина.

Она приблизилась к трупам близняшек и с некоторым напряжением, но чтобы не оторвать конечность, подняла окоченевшую руку одной из них. Обивка подлокотника была разодрана, девочка оставила в ней пару своих ногтей. Себастина подняла руку другой девочки, и все увидели следы, оставленные ногтями на лакированном дереве, а заодно и запекшуюся кровь на поврежденных пальцах.

— Только де Моранжак-младший нашел в себе силы сдвинуться с места. Это ему не помогло. То же со всеми другими погибшими. Иные увидели свою смерть в лицо, иные расстались с жизнями

легко. Убийство сотворено не с помощью яда, это будет подтверждено после экспертиз. Все. Командуйте, инспектор Вольфельд, тела в морг, здание опечатать, выставить охрану. Констеблей на улицы, пусть ищут. Хотя что-нибудь ищут. Кстати, кто сообщил об этом всем?

Игнорируя плеть ненависти, которой меня стегануло сознание старшего инспектора, я поволил взглядом по растерянным лицам сотрудников Скоальт-Ярда и проследовал к выходу. Себастина подала мне плащ, шляпу и трость. Инспектор Аберлейн догнал практически на крыльце.

— Тан л'Мория, позвольте представить вам констебля номер тысяча сто один Джона Гранди.

— Доброй ночи, констебль. Можете меня чем-то порадовать?

Молодой парень с густыми усами, обряженный в утепленную для зимы черную форму Скоальт-Ярда, вытянулся в струнку. В его голове я читал немного страха, смущение, растерянность и... сомнение, что ли?

— Это я обнаружил, мой тан...

— Понимаю. Решили навеститься в гости к верховному обвинителю по доброй памяти, попить чаю и вдруг обнаружили тело старого друга бездыханным? — Я постарался придать своему взгляду выражение, которое офицеры-дознаватели называли «сверлящим».

— Нет, мой тан, я конечно же не мог знать господина де Моранжака, но мне сказали...

Неуверенность приблизилась к градусу кипения, но он не собирался лгать.

— Я... я понимаю, что это прозвучит совершенно... глупо... нет, безумно...

— Констебль, позвольте судить о том, как и что звучит, мне.

— Да, мой тан. Я услышал голос.

— Понимаю. Что за голос?

— Из-за спины. Голос из темного переулка, если быть точным. Я проходил мимо, патрулировал свой район, а потом кто-то окликнул меня из тени и сказал, что в особняке де Моранжаков беда. Государственный обвинитель — не шутки, потому я бросился сюда со всех ног. Наверное, надо было попытаться...

— Да, узнать хотя бы приблизительно, как выглядит доброжелательный аноним. Было бы просто чудесно! — Из-за недосыпа я был зол и переполнен ядовитой желчью. — Где это произошло, вы сказали?

Один из переулков, соединяющий улицы Тюльпанов и Красного оникса. Восточные и юго-восточные окраины Императорских Садов не столь престижны, как остальные части. Совсем близко располагаются кампус КГМ и башня корпуса, одиноко темнеющая на фоне неба. В этой части района находятся

учреждения, обслуживающие богачей, продуктовые рынки, самые дорогие и лучшие в Старкране почтовые офисы и банковские отделения. Съемные апартаменты в высоченных шестизэтажных домах стоят приличных денег. И все же таких вот переулков даже в Императорских Садах уйма. Из какого именно с ним говорили, Гранди точно обозначить не смог. Воспользовавшись одним из казенных экипажей, я приказал везти на улицу Тюльпанов. Шанс найти нужное место, а там и какие-нибудь улики — это, конечно, несбыточная надежда, но что мне остается?

— Держи все под контролем, — велел я Себастине, отпуская экипаж.

— Я всегда держу все под контролем, хозяин.

— Как в тот раз, когда мне пришлось уворачиваться от пуля, прячась за бочками с тухлой сельдью?

— Простите за тот случай, хозяин. Больше подобного не повторится.

Я несправедлив к ней. В той заварушке она сдерживала сильного мага, чтобы он не превратил меня в труп, а мне всего лишь пришлось отстреливаться от парочки простых смертных с взрывными патронами. Вытащив из кармана жилетки часы, я приказал:

— *Acsio lioite!*¹

Направленный луч света из циферблата высветил узкий и грязный переулок. На стенах обрывки старых листовок и объявлений, на земле мусор и мутный неприятный на вид снег. Внезапное вторжение света в крошечную тьму вызвало шквал протестующего писка из ближайшей мусорной кучи.

— Себастина, поймай-ка мне парочку.

Горничная коршуном метнулась на добычу и, прежде чем ратлинги успели смыться, поймала две пары, по две дрыгающиеся серые тушки в каждой руке. Среди обычного писка прорывались требования вернуть честным гражданам свободу.

— Не помню, когда Император решил дать ратлингам гражданство, так что довольно. Представляться не буду, по вашим тупым мордам видно, что титулы и регалии вы цените ниже куска заплесневевшего хлеба. Отвечайте мне честно, и тогда, возможно, я вас отблагодарю.

— Чем? Чем? Чем? Чем?

— Большим кругом сыра и свиным окороком.

Острые мордочки с подвижными розовыми носами и длинными усами перестали шевелиться, черные глаза-бусинки остекленели, а передние лапы, так похожие на человеческие руки, вцепились друг в друга.

— Чего тан хочет? Чего? Чего тан хочет?

Ратлинги не самая лучшая компания для уважающего себя че-

---

¹ Приди свет (с древнего языка).

ловека и тем более тана, дорожащего репутацией. Большинство жителей города не обращают на этих разумных зверей никакого внимания, а те, кто обращает, пытаются всячески истребить голохвостый народец, приравнивая его к обычным крысам. Мне же из-за специфики работы гнушаться нельзя никем.

— Мне нужен че... — И тут я понял, что даже примерно не знаю, представителя какой расы или вида из тех, что населяют столицу, я ищу. — Этой ночью по переулкам ходил некто, может, человек, может, тэнкрис, может, люпс, а может, и авиак. Кто-то. Вы везде бываете, везде ищите еду, многих видите.

— Ничего не видели! Ничего! Ничего! Никого не видели! Еды мало! Еды! Еды! Когда награда? Когда? Когда?

— Когда сделаете что-нибудь полезное. Прочь.

Горничная швырнула писклявый квартет подальше в темноту, а я вернулся к поискам. Мне пришлось облазять еще три переулка, чтобы совершенно ничего не найти. Послав всех в Темноту, я отправился домой.

Мой дом в пределах столицы располагается на улице Скращенных мечей в районе под названием Тихий холм, или Олдорн на старой речи тэнкрисов. Это, конечно, не Императорские Сады, но для меня как раз. Дом стоит на углу восточной набережной, улица Скращенных мечей одним концом опирается в мост, ведущий в Квартал Теней, а другим в площадь Дуэлянтов, на которой когда-то велись довольно-таки кровопролитные поединки между благородными господами или танами. Цены на жилье в Тихом холме были бы куда выше, если бы часть его окон, в частности таких, как мои, не выходила на пресловутый Квартал Теней. Нельзя и пересчитать все городские легенды, в которых рассказывались жуткие истории о том памятном дне, случившемся больше трех веков назад, когда Темнота вырвалась в наш мир и голодные тени напали на столицу, вырезав половину городского населения.

Позднее зимнее утро, серое, спокойное и унылое, как раз такое, какое мне нравится. Старкран еще не проснулся и не стряхнул со своей черно-серой шерсти остатки ночного инея, рабочие северо-восточных трущоб только-только собирались выйти из своих каменных домов-бараков, чтобы вновь толкнуть вперед мощь мескийской промышленности. Зима Старкрана серая, холодная, туманная и злая... Обожаю. Мы с Себастиной вошли в прихожую старого четырехэтажного дома.

— Желаете ли чаю, хозяин? Или согреться после прогулки по морозу?

— Кофе. Черный, чилонский и без сахара, ко мне в кабинет.

Ошупывая онемевший нос, я отправился к себе и, как всегда проходя по холлу, увешанному портретами предков, поежился. С детства ненавижу эти пристальные оценивающие взгляды. Хотелось бы отправить всех своих дедов и прабабок по материнской ли-

нии в топку, но старая кобра не оставит этого просто так! Под взглядами этих танов и тани я жил от рождения и до тех пор, пока не умерла моя мать и не исчез бесследно мой отец. В этом самом доме.

Я повернулся, обвел предков взглядом. Они с беззвучными вздохами замерли в исходных положениях, глядя перед собой. Только отец, которому досталось место в самом темном углу, улыбался клыкастым оскалом и сверкал рубиновыми глазами.

— Твое одобрение для меня много значит.

Отец кивнул.

Много позже, став мужчиной и получив полную независимость от своих родичей, я вернулся в пустующий дом своего детства, дом с дурной репутацией. Я выкупил все права на землю и постройку у властей города и стал жить в нем вместе со слугами, которых тщательно отобрал, и Себастиной, которая всегда была частью меня.

Мой кабинет маленький и уютный. В некоторых помещениях у меня необъяснимым образом развивается агорафобия, потому предпочитаю комнаты с обозримыми границами и без эха. К моему рабочему месту прилегает цепь «полезных» помещений, в первую очередь комната для коллекции оружия. Огнестрельное меня не привлекает в отличие от холодного. Стены коллекционного зала украшают сабли, палаши, рапиры, шпаги и шашки, на стеллажах вспоминают дни былой славы боевые топоры и мечи, оставшиеся с древних эпох. Те из них, что побывали в бою и имеют царапины и зазубрины, считаются особо ценными. На многочисленных полках в футлярах хранятся предметы, вызывающие мое глубокое уважение, а именно — ножи и кинжалы самых разных форм и назначений. Метательные, боевые, охотничьи и медицинские. Но особое место в моем сердце занимают все-таки не они, а те экспонаты, что я бережно храню в гостевой приемной. Скрытое оружие — моя страсть. Спрятанные клинки, миниатюрные револьверы, выскакивающие из рукава, трости — духовые трубки с отравленными дротиками и прочие орудия убийства, которые с первого взгляда кажутся безобидными предметами обихода и не бросаются в глаза. За любовь к таким вещам меня с юности считали склонным к подлости существом, хранящим смазанный ядом кинжал для каждого благородного тана в Старкрарской высшей военной академии. Посему это свое хобби я стараюсь не афишировать, и так репутация дурна. Так же по цепочке к кабинету прилегают тренировочный зал и библиотека, в которой я чаще пью кофе, чем читаю.

Выкидной клинок на предплечье левой руки — моя гордость и одна из величайших драгоценностей моей коллекции. Незаметное с виду колечко на мизинце соединено с механизмом клинка тонкой металлической нитью. Стоит до предела выгнуть кисть руки назад, как механизм с щелчком являет миру остро отточенное лез-

вие. Я всегда с трудом сдерживался, чтобы не играть с этим оружием только ради приятного металлического звука. Слишком уж боюсь преждевременного износа, вещица-то с Востока, просто так ее в Старкраре не починить.

— Ваш кофе, хозяин. Луи приготовил круассаны и абрикосовый мармелад. Ваш свежий номер «Имперского пророка» и «Слухи Старкрара».

— Начнем с бульварного чтива.

— Хозяин, можно спросить?

— Попробуй. — Я углубился в чтение первой полосы газетки с самой сомнительной репутацией в городе и принял чашку с ароматным густым кофе.

— Зачем вы читаете это? На рынках в «Слухи Старкрара» только рыбу заворачивают.

— Мировоззрение рыночных торгашей очень важно для меня, их авторитетное мнение вот-вот изменит мое миропонимание... О, смотри-ка, акции паровой компании снова поползли вверх!

Пробежав глазами по паре статей, я убрал листки дешевой бумаги в сторону и взялся за круассан. Пришел черед «Имперского пророка».

— Наконец-то! Произошло то, чего мы так давно все ждали!

— Ваша лошадь наконец-то пришла первой, хозяин?

— Эта кляча? Скорее Луна просто так примет в Шелане Упорствующих! Я говорю про Малдиз! Восстание в провинции подавлено полностью, наши войска наводят последние порядки, махараджа-бунтарь Моакан-Сингх пока не схвачен, но не век ему мыкаться по джунглям. Возможно, генералу Стаббсу, герою этого конфликта, сверху спустят звание генерал-губернатора. Правда, сначала он вернется в Старкрар, чтобы возглавить парад и лично принять титул с регалиями. Пишут, что будут кидать на землю знамена непокорного Малдиза. Великая Луна, а ведь я был среди тех, кто отправил прежнего махараджу в новое земное воплощение... Представляешь, что бы чувствовали ветераны, если бы мы потеряли Малдиз в этот раз? Воистину, империя тогда начинает погибать, когда прекращает расширяться, и Император знает это!

Сильный ест слабого в мире, созданном тэнкрисами, таково наше мировоззрение, и никто не разуверит меня в его истинности. Армия выбила из молодого тана всякие иллюзии насчет ценности жизни разумного существа, а служба в Ночной Страже закрепила способность смотреть на этот мир трезво. Четыре года в горячих душных джунглях Малдиза, среди сотен видов ядовитых гадов, в рассаднике еще неизвестных болезней, в окружении врагов, тайно желающих всадить тебе нож в горло, или предателей, ведущих тебя в засаду... И еще семь лет подобного же безумия по возвращении в столицу.

Мы завоевывали Малдиз, выкупая каждый город щедрым кро-

вавым подношением уродливым восточным богам. Империи всегда нужны новые колонии, вся роскошь Старкрара создана из того, что мы отнимаем у провинций, называя это налогами. Никогда не забуду бессмысленность лиц тех, кто умер от стрелы, пули, копья, добывая для Мескии эти богатства. Бедняге Хайнриху свинцовый шарик оторвал нижнюю челюсть, Анотеру пуля вошла в правый глаз, он так и упал, лицо почти не пострадало, только затылок вынесло. Фисто л'Реко на разведывательной вылазке получил отравленную стрелу в бедро. Умирал два дня, мы не успели донести его до лагеря. Только нас с Инчивалем Луна хранила бережно. Четыре года и ни одной царапины.

Семь лет прошло, как я вернулся, семь лет официальный Малдиз платит тяжелую дань колонизаторам, и семь лет неофициальный Малдиз противостоит переброшенным в тропики полкам имперской колониальной армии. Поднимать открытое восстание было стратегической ошибкой, теперь повстанцев развесят в огромных кронах кархедисов, иной участи у них нет. Сильный пожирает слабого, такова истина. Не моя, истина мира, созданного тэнкрисами. Она неправильна, несправедлива, слишком много в мире слабых для такой истины, но она такова.

— Желаете посмотреть?

— Что? — переспросил я, радуясь, что Себастина отвлекла меня от накативших воспоминаний.

— Парад, хозяин. Желаете посмотреть?

— На симфонию идентичности? На сотни тэнкрисов и нетэнкрисов,двигающихся и выглядящих почти одинаково?

— Стало быть, парада мы не увидим, — заключила Себастина, проводя перьевой метелочкой по тем экспонатам коллекции, которые я всегда держу в кабинете. Все хорошие дознаватели и вообще слуги закона — параноики, и я не исключение, поэтому оружие должно быть под рукой всегда.

— Почему же? Возможно, принимать парад будет сам Император, а может, и нет. Но главы четырех кланов точно будут торчать на какой-нибудь трибуне. Появлюсь и подсуну им горькую пилюлю, пусть поморщатся. Хм, тут также сказано, что Стаббс в качестве трофея прислал Императору некую статую одного из малдизских богов. Церковникам сразу это не понравилось, таможня на несколько дней заключила дар в свои запасники. Его величество приструнил архиепископа, и теперь статую поставили в музее истинных искусств на всеобщее обозрение. Когда подданные наглядятся на экспонат, его перевезут во дворец, где статуя и будет находиться в качестве, собственно, трофея... Интересно. Снимка нет. Этот подарочек должен будет находиться во дворце, когда Стаббс вернется со своей кровавой победой. Не хочешь сходить в музей, Себастина? Любопытно, кого прислал генерал, Джахи или Сантимпра? Оба божка одинаково авторитетны в их пантеоне. Хотя,

если это Санкаришма, малдизская диаспора выйдет на улицы. Все-
му есть предел.

— У вас много дел, хозяин. На музеи времени нет.

— Если постоянно работать, то и свихнуться недолго. К тому же, если господин де Моранжак собирался пойти и поглазеть на эту выставку, чем я хуже?

— Вы позаимствовали его билет, хозяин?

— Я его украл.

— Благородные таны не крадут, хозяин, они заимствуют. В дан-
ном случае посмертно и без возврата.

Я лишь улыбнулся ее безукоризненной логике.

— Хозяин, время тренировки, — напомнила Себастина, убирая метелку и снимая со стены кавалерийский палаш.

— Не могу, я не выспался, не собран, невнимателен и вооб-
ще... — немедленно разленился я.

— Как горничная семьи л'Мория, я обязана следить за безопас-
ностью ее членов в общем и вас в частности. Одним из наиважней-
ших залогов безопасности может быть признана способность мое-
го хозяина самостоятельно защитить себя.

— Тогда на ножах.

— Но потом шпаги и рукопашный бой. — Горничная поправи-
ла милую челку «пони», скрывающую рудименты рогов и глаза, так
похожие на мои.

— Ты из меня веревки вьешь. Пойдем.

— Доброе утро, хозяин, солнце взошло над Старкраном.

Она распахнула шторы, дав бледному свету отхлестать меня по
лицу.

— Завтрак подан, свежий номер «Имперского пророка» ждет.
Халат?

Накинув домашний халат, я спустился в малую трапезную, в
которой предпочитаю есть в отсутствие гостей. Так как гостей у
меня всегда как люкс наплакал, ем я только там. В малой трапез-
ной двое других моих слуг ждут хозяина по заведенному порядку.
Служанка Мелинда, девушка большой скромности, огромного
старания и великой неуклюжести. По природной застенчивости и
врожденному трудолюбию постоянно пытается услужить и оправ-
дать доверие, но из-за волнения чаще рушит и ломает вещи, чем...
вообще делает что-то иное. Одних только фарфоровых сервизов я
сменил шесть штук за те три года, которые она у меня служит. Луи,
мой повар родом из Картонеса, гигант высокой кулинарии, громко
ругающийся, когда его так называют. Луи уверен, что вся кулина-
рия — это искусство, искусство кормить, истреблять, так сказать,
голод, а любое блюдо должно готовиться с любовью, будь то улит-
ки в винном соусе или суп из потрохов.

— Доброе утро, мой тан! — присела в реверансе служанка.

— Доб'гхое ут'гхо, монсеньогх!
— Bon matin, Луи. Что на завтрак?
— Яйцо в мешочек, соус де Майонзак, горячие вафли с мармеладом, черный кофе, — перечислила служанка.

— Не тикай пальцами в блюда, бестольечь! — с гневом воскликнул Луи. — Монсеньогх, у меня гхешительный ультиматум! Или я, или они!

— Очень интересно, кто на этот раз взял твои ножи без спросу?

Я развернул газету, с удовольствием вдохнул запах черного напитка и нащупал вафлю.

— Никто! Я опять говогхрю пго кхрыс, монсеньогх! Кхрысы на моей кухне — есть inacceptable!¹ Я пгхошу, нет, тхебую, чтобы это пгхекгхатилось!

— Очень интересно. Скакун пришел? Себастина, почему не сообщила в первую очередь?

— Визит какого-то ратлинга — это недостаточно веский повод, чтобы благородный тан откладывал завтрак, — спокойно ответила она.

— Он ценный информатор. Видит Луна, я искренне огорчусь, если когда-нибудь эта невероятно смышленная крыса попадет под колеса кареты или паровой телеги. Зови его сюда.

Луи застонал и ушел к себе. Бедный картонесец не представляет, как можно наслаждаться его стряпней, одновременно глядя на такое безобразное существо, как паршивый ратлинг.

— Я сегодня же забеху Г'хэдстоуна от догхтора, и тогда посметгхимь, как эти гади будють шляться по дому! Эй, кхрыса, иди!

— Доброе утро, мой тан.

— Приветствую, Скакун.

Ратлинг серой молнией скользнул в дверной проем, резко замер, огляделся и уже осторожнее приблизился, держась стен. Не особо он и паршив, серая особь, крупнее обычной крысы в три раза, глаза-бусинки черные, блестящие, нос постоянно в движении, передние лапы не знают покоя.

— Слышал я, два дня назад одного важного хуманса в Императорских Садах того... кончили со всей семьей...

Уже. Газеты не написали об этом и слова, Скоальт-Ярд удерживает новость до выяснения обстоятельств, но уличная шушера обо всем прознала. Скоро информация доберется и до газетчиков.

— И? Ты знаешь, кто этого хуманса «кончил»?

— Может, и знаю... Вы той ночью, когда все вскрылось, приходили на улицу Тюльпанов... Я прослышал... Искали кого-то в переулках... Я потом сам... Туда... Вдруг, думаю, найду что-нибудь для тана л'Мория... И того... нашел!

— Любопытно. — Я отложил газету. Скакун был тварью необы-

---

¹ Неприемлемо (фр.).

чайно умной и других дураками не считал, по пустякам меня не тревожил и еду получал заслуженно. — Что же ты нашел?

Ратлинг быстро просеменил к моему стулу и немедленно отошел на прежнее место. Я поднял с ковра блестящую мелкими бриллиантами и крупным изумрудом золотую женскую серьгу.

— Ты нашел эту штуку...

— В переулке между улицей Тюльпанов и Красного оникса, мой тан, в снегу, среди прочего мусора.

Мусора. Все верно, для ратлинга эта драгоценность просто блестящий мусор, никто не согласится покупать ее у столь малозначительного существа, приравненного к животному. Скорее наступят на голову, сломают шею и заберут. Тем паче, что ратлинги не имеют права владения. По закону у них не должно быть частной собственности, и все, что замечено в лапах ратлинга, может быть немедленно отобрано любим верноподданным.

— Себастина, Скакуна вознаградить, отправить в Скоальт-Ярд запрос на особо тщательную ревизию домашнего имущества семейства де Моранжак, переписать все обнаруженные материальные ценности — от золотых статуэток, медалей, наград, малогабаритных картин до женских драгоценностей. Никто точно не знает, чем владели покойники, верховный обвинитель не был светской птицей. Но у них должны были быть страховые полисы на случай кражи, де Моранжака обкрадывали два раза. Сверить список застрахованных вещей с тем, что осталось, и выявить недостающее, сообщить всем ростовщикам и ювелирам, подпольным тоже, за информацию золота не пожалею. Проверить дом на наличие взлома еще раз, внимательнее. Надо съездить туда. Думаю, после убийц явился еще и вор. Вероятно, они не связаны друг с другом. И еще я хочу знать, почему, когда важный государственный чиновник исчез и не появлялся на работе четыре дня, никто не поднял вопрос о его местонахождении? Если бы не наш добрый информатор в переулке между Тюльпанами и Красным ониксом, сколько бы еще семейство обвинителя разлагалось за обеденным столом?

— Это подождет. Сначала завтрак, хозяин.

Сказано бескомпромиссно. Пришлось подчиниться.

Если бы не сигнальная лента и констебли, поставленные у ворот в парковую зону, никто бы не понял, что что-то произошло в особняке де Моранжаков, да примет их Все-Отец, в которого они так верили. Без суеты и помех я еще раз осмотрел все, ближайшую округу, сад и сам дом. Тела конечно же уже убрали. Несколько магов-криминалистов продолжали обшаривать стены и прощупывать астрал своими артефактами, пытаюсь уловить следы убийственного колдовства. Я осведомился, есть ли результаты, получил отрицательный ответ и заверил, что ни в коей мере не помешаю их работе.

— Вот так. Отчеты утверждают, что пища не содержала никаких ядов.

— Как вы и предполагали, хозяин.

— Маги не видят никаких остаточных следов.

— Это странно, хозяин.

— Никаких следов яда в воздухе. Я даже настоял, чтобы они проверили предметы в доме. Говорят, есть яды, убивающие не при употреблении, но при соприкосновении с кожей. Но тоже ничего. Однако, если бы это был сильнодействующий алхимический яд, распадающийся вскоре после смерти жертвы, или яд кобры, который практически невозможно обнаружить... Нет, отпадает. Анализ крови не выявил бы ни того ни другого, но последствия воздействия отразились бы на телах убитых. У меня кончаются гипотезы.

— Вы делаете все, что можете, хозяин.

— Даже если я сдеру с себя шкуру и вырву себе глаза без пользы для следствия, это не будет значить ровным счетом ничего. Императору нужны результаты. Рано или поздно сокрытие смерти де Моранжака перестанет быть возможным, солидные издания у меня в кулаке, но мелкие газетенки продадут душу ради шанса первыми осветить такое происшествие. Себастина?

Служанка остановилась у лестницы на второй этаж.

— Себастина?

— Хозяин, пойдете еще там посмотрим. — Она указала вправо.

— Котельная? Впрочем, все остальное мы уже облазали.

Чутью Себастины надо верить. Я пошел к невзрачной двери, за которой лестница вела вниз, на цокольный этаж. Как и во всех современных домах знати, в этом особняке имеется одно сравнительно новое изобретение хинопсов под названием «система центрального отопления». Трубы, проведенные в стенах дома и наполненные водой, подходят к громоздким составным батареям. Воду греет котел, работающий на угле. А вот и он. Эдакая махина, уже давно погасшая и остывшая. Обыскать это помещение не составило труда, оно пустует уже некоторое время. Кроме длинного ящика, на дне которого еще осталось немного угля, лопаты для забрасывания топлива в топку да самого котла, ничего нет. Я еще раз все осмотрел, даже под котел заглянул — ничего. На мой вопросительный взгляд Себастина виновато пожала плечами. Осмотр дома ничего не дал. Ни признаков взлома, все окна целы, замки без царапин. Ни одного доказательства присутствия вора или убийцы.

— Возможно, стоит осмотреть чердак.

— А он здесь есть?

— Несомненно, хозяин.

— Разве? Я не видел лестницы.

— Она здесь.

Служанка вышла в коридор четвертого этажа между спальней

четыре Моранжаков и детской комнатой близняшек. Она потянула за незаметное кольцо под настенным подсвечником, и часть потолка опустилась. К полу выдвинулась складная лестница.

— Похоже, доблестные слуги закона не заметили. Как и мы. С них-то нечего взять, а вот мне, лопуху, такие просчеты непростительны. Нет, надо на плаху идти, надо избавлять государство от идиотов. Начну с себя...

Себастина поднялась первой.

— Чисто.

Чердак вполне обыкновенный. Я давно заметил, что чердаки похожи как братья-близнецы, что у богачей, что у нищих. Везде грязь и пыль, только чердаки нищих пусты, словно их кошельки, а чердаки богачей захламлены барахлом, прошу простить, раритетами. Здесь давно никто не ходил, слой пыли на предметах и полу ровный. Разве что паутины под потолком нет. Это необычно. Какие только бесполезные вещи не начинаешь замечать, занимаясь расследованием. А вот это интересно! Чердачное окно приоткрыто на палец, на нижней части рамы толстые царапины. Следы мощных когтей.

— Мы напали на след, хозяин.

— Паршивый след.

— Шесть борозд — не десять. Это не когти люпса по крайней мере.

— Знаю, — ответил я, разглядывая их. — Но у многих господ Голоса¹ как раз в том Голос и состоит, что они могут принимать вид самых разных чудовищ. Взять хоть дядю Криптуса. Но это я так, паранойи ради. Предлагаешь пройтись по таковым, представиться, предъявить инсигнию и потребовать показать свой Голос, чтобы сосчитать когти? Тэнкрисы на дух меня не переносят, общение же с ними вызывает изжогу у меня.

— Я ничего такого не предлагала.

— Уходим, здесь больше нечего искать.

Перед выходом из особняка я обратил внимание магов на чердак.

На улице идет снег. Хлопья красиво кружат, стремясь присоединиться к растущим сугробам. Вот только сугробов нет, ведь Императорские Сады — это не Клоповник или Копошилка, здесь городские службы ведут священную войну с грязью и осадками на улицах круглый год, без отдыха и пощады. Уже садясь в карету, я обратил внимание на констеблей, приказывающих угольщику проезжать дальше.

— Постой-ка, милейший, я сейчас! — крикнул я кучеру и направился к ним. — Прошу прощения, вы, как вас зовут?

¹ Господа Голоса — одно из прозвищ тэнкрисов, дано в силу владения ими Голосами Луны.

Констебли при виде меня отступили, не желая мешать. Старик на козлах крытой телеги сорвал с седой головы кепку, пропитанную угольной пылью, прижал к груди и начал трепетать. Само по себе внимание слуг Скоальт-Ярда уже никому не нравится, а тут еще и господин тэнкрис подкатил. Я устало поправил свои очки-кроты с красными стеклами, единственные во всем Старккране. Немногочисленные близкие знают, что так я маскирую цвет глаз. За красными стеклами любые светлые глаза кажутся красными. А незнающие считают меня экстравагантным таном, которому некуда тратить деньги кроме как на дурацкие аксессуары. Серебряные очки с красными стеклами, вычурные карманные часы, дорогой револьвер, стреляющий непростыми пулями с наполнителем из черной ртути. Станный тан, ничего не скажешь. Про служанку-дракулину, к счастью, знают только самые близкие.

— Так как же тебя все-таки зовут, милейший?

— Джон Ган, мой тан... Э... Я угольщик, мой тан!

— Я вижу. Джон, ты привозил господам де Моранжакам уголь?

— Я... Я ничего не сделал, мой тан! Клянусь вам!

Страх, растерянность, все смутно. Ни гнева, ни стыда. Судя по всему, он даже не знает, что произошло и что за горе посетило семейство государственного обвинителя.

— Я верю тебе, Джон. Просто хочу спросить, когда ты в последний раз доставлял уголь в этот дом.

— Так... это... На прошлой седмице, мой тан.

Не странно, что уголь закончился... Да, это заусенчик. Моя голова работает сама по себе, я все вижу, все слышу и абсолютно все помню. Но порой сознание не успевает за бессознательным. Если меня что-то беспричинно беспокоит, я называю это заусенцем. Мне остается лишь поднять в памяти и сопоставить факты, которыми я располагаю, и оторвать заусенец, чтобы понять, что именно и по какой причине так меня задевает. Котельная, большой ящик с углем, угольщик Джон Ган. Заусенец.

— Приболел я. Э... Только вчера смог встать на ноги и сразу вот на работу. Не все ж Генриха утруждать.

— Генриха? А Генрих кто?

— Муж дочкин, мой тан. Он вместо меня работал. Вот, господам де Моранжакам второго дня седмицы привозил уголек, да! Негоже благородных господ в хладе оставлять в такую-то погоду.

Де Моранжаки по моим прикидкам умерли в этот самый день, второй от начала седмицы. И огромный ящик с углем был опустошен моментально, и все семейство умерло в тот же день.

— Покажи-ка товар.

В телеге лежали набитые углем деревянные ящики. Обычные большие квадратные ящики. Не прямоугольные, похожие на грубо

сколоченный гроб, а квадратные. Нет, не уголек в тот день привезли господину дознавателю, совсем не уголек.

— Ладно, Джон, доброй работы, не более больше.

Телега со скрипом двинулась по каменному настилу. Я подождал одного из констеблей.

— Пройдитесь по соседям, опросите слуг, выведите, где живет. Как узнаете, немедленно передайте информацию в мой отдел. — Я намеревался установить слежку за угольщиком и всем его семейством немедленно.

— Вы думаете, что этот...

— Не ваше дело думать, что я думаю, констебль! Выполнять приказ!

— Слушаюсь, мой тан!

И вновь мне помешали покинуть улицу Магнолий. Инспектор Аберлейн выскочил из кареты, окутанный облаком тревоги и любопытства.

— Тан л'Мория! Слава Все-Отцу, я вас нашел! Дома сказали, что вы поехали сюда! Новые зацепки?

— Есть кое-что. Смутное, — проворчал я. — А у вас какие успехи?

— Это трудно объяснить, мой тан. Легче сразу в Скоальт-Ярд! Мы с Себастиной переглянулись.

— На основе каких обвинений?

— О, нет, что вы! Просто у нас появился кто-то, кто вас ищет... Судя по всему... Мы так думаем... Мы сами еще не разобрались, но вам следует поторопиться.

— Себастина, отпусти человека. Поедем на казенной.

Дворец закона Скоальт-Ярда. Или просто Башня, как его называли личности, не горевшие желанием попасть внутрь. Вгрызающаяся в зимнее небо острым шпилем, отлично защищенная исполинская крепость, сложенная из серых плит, произведенных на строительных предприятиях хинопсов. Попасть за высокие железные ворота гораздо легче, чем выйти из них без позволения.

Карета въехала не в парадный южный вход, а в восточный. Мы направились внутрь Башни следом за инспектором.

В необъятном холле кипит шумная работа. Сотни констеблей каждую минуту продвигаются в очередях к десяткам подиумов, за которыми сидят офицеры-регулирующие, принимающие смену и выдающие назначения для тех, кто только направляется на дежурство. Самые громкие крики сигнализируют о том, что тот или иной патрульный расчет отправляется по срочному вызову на подкрепление. Шесть из десяти таких подкреплений всегда спешат в северо-восточные районы: Копошилку, Клоповник, Чернь, Гарь, Низины и Глины. Реже, но стабильно внимание слуг закона привлекают происшествия в Императорских Ямах и Доках Зэфса. Более

благополучные части Старкрана, такие, например, как Оуквэйл или Олдорн, в котором живу я, доставляют мало хлопот, не говоря уж о всегда благоденствующих Императорских Садах и Вершине.

Я усмехнулся про себя, думая, насколько подешевеет баснословно дорогая земля в почти самом привилегированном районе столицы, когда известие о смерти де Моранжака и его семейства появится на газетных листах. Хотя... чушь все это. Земля в Императорских Садах всегда будет дорогой.

Створки лифта с шумом, похожим на урчание в брюхе голодного люпса, раскрылись перед нами. Где-то рядом громко зашипел паровой мотор, и лифт поехал вверх. Себастина хихикнула. Это изобретение хинопсов необъяснимо действует на мою служанку. Как только появляется странное чувство в животе, она не может сдержать смешок и всю дорогу хихикает в кулачок. Больше ее смеха я не слышал нигде и никогда в жизни.

— Тумс подготовил последние отчеты?

— А? Да! — Аберлейн, с любопытством наблюдающий за Себастиной, встрепенулся. — Последние отчеты по вскрытию. Я как раз передам их вам, но должен заранее предупредить, что все чисто.

— Хи! Как вы и предполагали, хозяин. Хи!

Скоальт-Ярд состоит из нескольких отделов. Выше прочих, на верхних этажах Башни, расположился штаб отдела государственной безопасности, Ночной Стражи империи. Туда нельзя попасть на общем лифте и без особых полномочий. У меня, как у главы Ночной Стражи, такие полномочия есть. Ниже по иерархии располагается отдел магических преступлений, в котором расследуют незаконное применение боевой магии и оборот запрещенных артефактов. Еще ниже отдел уголовных расследований, где ищейки Башни, старшие и младшие инспектора, а также комиссары заняты незримой войной с обычной, но бессмертной преступностью. Далее расположилось представительство Корпуса Государственных Магов, облегчающее сотрудничество двух инстанций на уровне защиты закона. Там же работают маги-криминалисты и боевые патрульные волшебники, натаскиваемые для ведения боев в городских условиях. На самых нижних уровнях Башни находится Констеблиат, содержащий в себе армию рядовых констеблей, охраняющих улицы, а также отряды ош-зан-кай, боевиков особого назначения, натренированных в жестких условиях и готовых к боевым действиям на случай бунта или масштабных беспорядков. Они занимают отдельный казарменный флигель. Более семи десятков ош-зан-кай составляют люпсы, что как-никак внушает уважение к этой службе, да, очень и очень внушает. Кроме люпсов в Скоальт-Ярде служат представители многих других видов вплоть до жешзулов. Но последних мало к всеобщей радости.

Лифт остановился на одном из этажей отдела законников, вы-

плюнув нас в обширный серый зал, уставленный столами, за которыми констебли заполняли рапорты и перебирали бумажки.

— Сюда, мой тан.

Пропетляв по лабиринту коридоров, словно созданному для игр с канцелярскими крысами, мы пришли к кабинету инспектора Аберлейна. Маленькому такому кабинету с застекленной дверью.

— Я здесь, тани, как и обещал, — сказал молодой инспектор, открывая дверь.

Перед письменным столом, зажатым меж небольшим окошком и напольной картотеккой, сидела тани, тэнкрис. Я, кажется, даже тихонько охнул, увидев эту красоту. Тани с кожей цвета светлого шоколадного крема, с копной волнистых красных волос и заплаканным лицом (на щеках дорожки потекшей иссиня-черной туши), посмотрела на меня глазами цвета сверкающего серебра. Благородная кровь, чистая и древняя, как сам мир. За одни эти глаза, без титула и статусов, перед сей тани должны бы раскрыться двери всех благородных домов столицы — тэнкрисы чувствуют древнюю кровь, уважают и превозносят ее чистоту. А вот мне с моими буркалками, будь я хоть родной племянник Императора, вечно пришлось бы смывать со спины плевки.

— Тани, мое почтение. — Я приподнял шляпу и поклонился. — Позвольте представиться, Бриан л'Мория к вашим услугам.

— Тани, это тан Бриан...

— Вы и правда Бриан л'Мория? — спросила она меня, глядя огромными глазами в самые темные глубины моей грешной душонки.

Страх, надежда, мольба окутали меня хрустальными осколками эмоций и замелькали в невероятном калейдоскопе! Великая Луна, как же прекрасны были ее эмоции!

— Воистину это так. Очарован.

Она издала странный звук, не то всхлипнула, не то засмеялась, но от переизбытка окатившей меня радости слегка закружилась голова.

— Слава Луне! Я нашла вас!

Я вежливо улыбнулся, кивнул, прикрывая удивление, и вопросительно посмотрел на инспектора. Молодой человек с интересом наблюдал за моей реакцией. Он вообще очень наблюдательный и любознательный молодой человек, глядящий на мир глазами ученого-естествоиспытателя. Интересно, что он предполагал увидеть? Удивление? Страх? Нервозность? Злость?

— Тани, если вы не против, я изложу тану суть дела.

Она закивала и села обратно на неудобный казенный стул.

— Патруль обнаружил тани на одной из улиц Дна, тан л'Мория. Она сообщила, что, — он посмотрел на нее сочувствующе, — не

помнит, ни кто она такая, ни что делает в Дне. А еще тани искала вас.

— Да! Вот! — Она протянула мне тряпочку, которую постоянно комкала, пока Аберлейн посвящал меня в суть дела. При ближайшем рассмотрении тряпочка оказалась замусоленным кимисировым платочком, на котором, если старательно взглядеться в чернильные кляксы, можно было прочесть «Бриан л'Мория». — Это все, что было при мне! Я только это знаю — ваше имя, тан л'Мория! Скажите, вы знаете, кто я?

— Тани была одна?

— Абсолютно, мой тан. Констебли обеспечили ее безопасность от того сброда, что скитается по Дну, в поисках легкой добычи, но уводить не спешили. Никто так и не хватился тани, хотя заинтересованные лица были.

История, заслуживающая описания в каком-нибудь модном ныне литературном ужастике, будоражащем застоявшуюся кровь скучающих девиц из знати! Женщина, одна-одинешенька, не помнящая, кто она и где, без защиты и поддержки оказалась в одном из самых опасных и гиблых районов Старкрара, среди тех, кто может убить просто походя, из привычки. Тех, кто без жалости разбрызгает живых существ на органы для продажи пайшоанским алхимикам в Маленький Дзанког или практикующим медикам-экспериментаторам. Тех, кто не гнушается есть человечину, тех, кто не поднимает глаз от земли, потому что их глаза открывают намерения хозяина каждому, кто украдкой в них заглянет. Если вы не из Дна, то в Дне вы не задержитесь. Живьем уж точно. Тани спас цвет глаз. Все граждане Мескийской Империи с детства знают, что с тэнкрисами лучше не встречаться на узкой дорожке, а если встречи избежать не удалось, то разумно будет уступить, нежели нарваться на Голос повелителя огня или перевертыша. Серебряные глаза отогнали и людоедов, и продавцов органов, и насильников, и ловчих, забирающих девушек из бедных семей для публичных домов Копошилки и Клоповника. Они побоялись связываться с тани и ее, вероятно, очень опасным Голосом. А еще за каждой парой серебряных глаз стоит какой-нибудь благородный дом. Поверил ли я в услышанное? Безусловно. Меня, к счастью, нельзя обмануть.

— Милостивая тани, сейчас я задам глупый вопрос, но не задать его не могу, так как порядок обязывает. Вам есть куда пойти?

— Тан л'Мория, я не знаю, как меня зовут...

— Не все потеряно. Вы помните, как нужно говорить, помните, что произошло с вами за последнее время. Значит, кратковременную память вы не потеряли. Доктора говорят, что в таком состоянии пациент имеет шанс на восстановление памяти. Теперь же, когда я узнал, что у вас нет крыши над головой, я могу сделать вам приглашение. Тани, если вы сообразовоите принять предложение устроиться в моем скромном жилище, счастьем моему не будет пре-

дела. Спешу вас заверить, что приложу все силы, дабы узнать, кто вы и где ваши близкие, — если таковые имеются, подумалось мне.

— У меня нет никого в этом огромном городе... Никого, о ком бы я помнила! Ни знакомых, ни приюта... Ой! Простите, умоляю!

— Меня тоже судят за мысли вслух. Накиньте мой плащ, пожалуйста, вы одеты не по погоде. Инспектор, надеюсь, вы уже провели тани через все эти процедуры, чтобы мы могли поскорее покинуть ваш душный кабинет? Никаких обид, но строители схалтурили с вентиляцией.

— Я знаю... Э, да, мой тан, мы сняли метрические данные и записали приметы. Если тани заявят в розыск...

Конечно, трудно представить, что этого бриллианта махараджи Кальмира никто не хватится. В мире, где так высоко ценится чистая кровь, где правящее сословие более всего боится вырождения, такие наследники дороже сокровищ короны. Ибо тэнкрисы никогда не забывают, в отличие от людей, что подлинное богатство в детях, а не в закромах. Кстати, мне привычно считать, что именно поэтому соотношение между нами и иными видами: один на десять тысяч — судьба подшучивает над нами.

— Себастина, позаботься о тани.

По пути к лифту мужчины как по команде отрывались от своей работы, какой бы важной они ее ни считали, и пытались присосаться взглядами к красноволосой тани, словно голодные миноги.

— Слава Луне, я задыхалась в этих стенах! — призналась тани, когда мы вышли во внутренний двор. — Будто воздух густел в легких и... и...

— Трудно было проталкивать его внутрь и выталкивать обратно, — понимающе кивнул я, наблюдая, как она кутается в плащ от налетевшего морозного ветра.

Снежинки быстро стали покрывать ее волосы, хотя снег уже почти перестал идти, и все же самые мелкие кристаллики льда упорно стремились попасть в глаза. Поймать экипаж возле дворца закона дело нехитрое, добраться до Олдорна тоже. По дороге тани предпочла молчать. Наши с Себастиной беседы, а точнее мои монологи и ее поддакивание, вряд ли заинтересовали бы незнакомку. Вот она, обратная сторона добровольного изгнания из высшего общества, я теряю навыки вежливой и бессмысленной беседы.

— Вы не знаете Старкрар, тани, я правильно предполагаю?

Она слегка встрепенулась, подняла взгляд, дотоле упорно сверливший пол.

— Нет, это не мой город. Тут так холодно и многолюдно... Я не помню, кто я, но чувствую, что это чужое мне место. Не хватает тепла.

— Ну-ну, не беспокойтесь. Я смутно представляю, каково это, быть на вашем месте.

— Правда? Представляете? Вы теряли память?

Это походило на отчаянный крик о помощи.

— Нет, но таков мой Голос. Я могу чувствовать эмоции людей, тэнкрисов, люпсов, авиаков, всех. Мой Голос позволяет мне пере-нимать их и проводить через себя. А ваш, простите за нескромный вопрос?

— Я не знаю.

— Однако.

Забуть свое имя, которое тебе дали родители, — это одно, но забыть свой Голос, то, что было частью тебя с момента зачатия... Что же с тобой случилось?

— Простите еще раз. В любом случае, если вам кажется, что вам плохо и никто не понимает вашу боль, можете быть уверены, что это не так. Вашу ручку, позвольте, я постараюсь немного помочь вам.

Это всегда непросто манипулировать чужими эмоциями. Но возможно, если обратить мой скромный Голос в обратную сторону, что довольно трудоемко для меня и требует немалой концентрации. Служа в армии, я не раз применял эту способность во время допросов, и результат был лучше, нежели от использования раскаленных щипцов. Но то, что я делаю с ней, это воздействие совсем иного толка, иной силы и совершенно иного направления. Физический контакт, плоть к плоти, не удушающая хватка за горло, а осторожное прикосновение к руке, и ее эмоции устремились ко мне. Обычно я чувствую эмоции на расстоянии, я знаю их вкус, запах, цвет, хотя никогда не видел, не обонял и не пробовал их, но при прямом контакте эти эфемерные ощущения превращаются в реальность, мою реальность, волну, которая захлестывает меня и кружит в водовороте красок и ощущений. Каково это, чувствовать то, что чувствует другое разумное существо? Никто не знает, кроме меня. Только я в целом мире знаю силу своего Голоса, и нет иного тана, который бы владел даром, подобным моему. Пусть я не могу управлять стихиями, оживлять мертвых, перемещаться на большие расстояния, но я могу то, о чем не мечтает никто, то, что никому недоступно. Я знаю, что чувствуют другие, я это ощущаю и могу даже управлять этим. Еще одна причина мне быть верховным дознавателем. Еще одна причина ненавидеть меня в мире, где ложь и лицемерие являются нормой хорошего тона в общении. А тот, кого невозможно обмануть, гораздо опаснее, чем безумец, выбежавший на улицу с заряженным револьвером.

Что я почувствовал? Страх с нотками паники, тоска и боль, снова страх. Она боится всего, и я тоже боюсь всего. Боюсь величественных зданий, широких улиц, полных народу, боюсь себя, незнакомого тана в красных очках, боюсь свою служанку, эту высокую девушку в строгом черном платье, с чепцом и густой челкой, которая смотрит так холодно сквозь очки-половинки.

— Полегчало?

Я ослабил контакт и позволил себе откинуться на сиденье, раз-

бавляя полученный негативный заряд хорошими воспоминаниями. Ответа не требуется, лицо прекрасной незнакомки потеряло ту незримую паутинку отчаяния, которая омрачала правильные черты, и приобрело взамен легкий румянец, сердце не колотилось так отчаянно и неровно, тепло наконец добралось к пальцам. Чувство тревоги не ушло, но утихло, потому что я забрал излишек себе.

— Это поразительно! — воскликнула тани, глядя на меня как на чудотворца.

— Счастлив, что вам лучше.

— Мы дома, хозяин, — сообщила Себастина.

— Добро пожаловать в ваше новое жилище! Не дворец, но мне всегда было здесь уютно.

Мелинда открыла парадную дверь, присела в реверансе, приняла верхнюю одежду.

— Устроить тани в гостевых спальнях. Обеспечь всем, чего тани пожелает.

— Да, мой тан.

— Я прослежу, — добавила Себастина. От ее взгляда бедная девочка едва не упала, ее колени подкашивались. — И пусть Луи подает обед, хозяин голоден.

— Сию минуту!

Первым делом в кабинет, за рабочий стол. В моей жизни внезапно произошло нечто из ряда вон, но ничто не может отвлекать меня от работы. Камин разожжен, ничего не разбито, не переставлено. Между старинными креслами и каминной решеткой лежит на спине, раскинув лапы, бульдог; серый окрас, примечательное черное пятно вокруг правого глаза, пасть открыта, язык свешивается сбоку.

— Вижу, тебе гораздо лучше, Глэдстоун. Не лежи в такой позе, это вульгарно.

Пес вскочил, подбежал, перебирая короткими кривыми лапами, стал напрашиваться на ласку.

— Ах ты мой бочонок слюнявый! — Трепка по холке была ему так приятна, что пес стал притоптывать по ковру задней лапой. — А теперь оставь меня.

Глэдстоун умчался во двор выслеживать белок, свято веря, что даже зимой удача улыбнется ему в охоте, я же придвинул к себе папки, копии заведенного дела по Моранжакам и принялся пролистывать их заново.

— Хозяин, обед подан.

— Постой...

— Тани ждет.

Я вздохнул, собрал бумаги и захлопнул папку, снова надел очки с красными стеклами. На лице Себастины не дрогнул ни один мускул, но я понимал, что она все подмечает.

— Не хочу заставлять тани тревожиться раньше времени.

— Покровы не вечны, хозяин.

— Кто бы говорил! Вообще, я считаю, что тебе пора изменить прическу.

— Вам не нравятся мои волосы, хозяин?

— Волосы мне нравятся, но пусть они лежат как-нибудь иначе. Пусть все видят, какой у тебя благородный высокий лоб. И острые рудиментарные рога.

Горничную чуть передернуло.

— Вам сообщение, пришло только что вместе с констеблем.

— Должно быть, результаты установленного наблюдения.

Она убрала руку с конвертом за спину, когда я протянул свою.

— Сначала обед, хозяин.

А спорить бесполезно. Порой я не уверен, кто из нас кому должен отдавать приказы.

— Должно быть, сообщают, что нашли указанных людей. Пусть Старкрар и огромен, но поиски угольщика и его семьи не должны стать проблемой для слуг закона, особенно если эти люди не скрываются. Подождет.

Тани спустилась к обеду в строгом платье мягкого, кремово-белого цвета с высоким узким воротником и профилем моей юной прабабушки на шейном кулоне. Очень мило. Я не стал думать о происхождении этих вещей (платье матери и старинном заказном украшении), не желая смущать гостью. В любом случае, стиль моей матушки этой тани совершенно не подходит, моя мать была красива и нежна, чем-то напоминала серну, как говорит Ив. Когда мужчины смотрели на нее, в них просыпалось желание защищать ее, закрыть этот хрупкий нежный цветок от ураганов, что гуляют в мире. Пожалуй, именно этим чувством руководствовался мой отец, когда покинул Темноту и пошел за женщиной в ее мир, согласившись принять его законы и уклад, терпеть ненависть и провокации тэнкрисов, вместо того, чтобы вырывать им сердца, как диктовала ему его природа. Красота безымянной тани тоже имеет свою природу, и суть этой природы — огонь. Тани не помнит себя, и оттого наверняка она напоминает мне львицу, которая вдруг решила, что она антилопа. Интересно, она не помнит родного имени, но помнит, как держать ложку, спину, голову, как класть на колени салфетку и как расположить столовый прибор, чтобы obsлуга не доливала в тарелку супу. Первое блюдо мы съели в молчании, под тиканье часов. Мелинда, громко сопя от старания, собрала посуду, началась процедура смены блюд.

— Милая тани, думаю, нам надо обсудить одно положение.

Поднятые брови, широко распахнутые глаза, чуть поджатые губы. Ощущаю легкое касание ее страха, тани не знает, чего от меня ждать.

— Я все еще рассчитываю, что Скоальт-Ярд разузнает, кто вы и

откуда. Однако пока они ищут, мне надо как-то вас называть. Какое имя вы хотели бы взять на время?

Она повела плечами, как мне показалось, смущенно. Вот это действительно странно, почему мне так трудно чувствовать ее эмоции?

— Мне ничего не приходит в голову, мой тан...

— Если вас устраивает эта вынужденная анонимность, я ни в коей мере не против, главное, чтобы вам было комфортнее и...

— Нет-нет, это весьма удачная мысль... И я обязательно приду-маю...

— Если хотите, я предоставлю вам сборник женских имен, право, не думал, что эта книга когда-нибудь пригодится...

— Огромное спасибо, мой тан...

Не помню, когда в последний раз возникало такое неловкое молчание во время беседы с дамой. В юности я не пользовался особым вниманием, уничижительным, разве что, а потому всегда знал, как наиболее резко и остроумно осадить любую тани, решившую подшутить надо мной, и никаких неловких пауз у меня никогда не случилось.

— Сегодня Луи приготовил филе осетра, хозяин.

Себастина внесла по огромному подносу в каждой руке, без натуги и дрожи. В тени безупречной горничной съежилась бедная Мелинда с одним подносом, приборы на котором подпрыгивали, как блохи на сковороде. Обед продолжился. От очередного приступа неловкого молчания спасла Себастина:

— Хозяин, к вам посетитель.

— В кабинет.

— Думаю, целесообразнее будет вам переговорить с посетителем на пороге. И после обеда.

— Сейчас. Простите, тани, но дела не оставляют меня.

— Я понимаю, тан л'Мория, прошу, только пусть мое присутствие не помешает вам.

Я покинул обеденный зал.

Себастина действительно не пустила гостя дальше порога. Я ей таких распоряжений не давал, но моя горничная очень ревностно относилась к чистоте в доме, а чистота это в первую очередь не отсутствие пыли и грязи, а придирчивый отбор личностей, допускаемых в дом. Юный оборванец, пропахший подворотней, чистоты в доме точно не прибавит, рассудила моя горничная.

— Чем могу помочь, юноша?

Паренек сорвал с нечесаной головы помятый котелок не по размеру, принялся мять в руках, стараясь избегать прямого зрительного контакта глаза в глаза.

— П-простите, благородный тан, что смею отвлекать вас, но не вы ли тан Бриан л'Мория?

— Так меня зовут. Чем могу?

— Это не вы, то есть я, то есть... Помочь вам...
— Короче и по делу.
— Прошел слух, что вы ищете драгоценности, — выпалил он.
— И ты знаешь, где они?
— Я слышал описание украшений, старик Йози читал вслух, сам я не...

— Не отвлекайтесь, юноша, что вы видели?
— Пару подвесок, мой тан, белое золото, бриллианты по четыре карата и...

Однако читать не умеет, а стоимость ювелирных украшений на глаз определить может. Улица.

— Где?

— В ломбарде Брукхаймера, он... Он самашиит, д-держит ломбард на Указательном пальце...

Указательный палец, как же, знаю, одна из пяти улиц, сходящихся на площади Пяти пальцев, самое сердце Черни.

— Себастина, пусть подадут чего-нибудь согревающего молодому человеку и чего-нибудь посытнее, пока я буду одеваться! Найди экипаж, мы едем в Чернь.

— Слушаюсь, хозяин.

Хоть в чем-то господа из Скоальт-Ярда преуспевают! Например, они могут быстро распространить ориентировки.

Карета катится по мосту через Эстру. На той стороне остался Олдорн, а мы въезжаем в Клоповник. Серо и грязно, каменные дома в два-три этажа, целый лабиринт из переулков и улочек. Район пересекает с запада на восток железная дорога, построенная хинопсами десятилетия назад и с тех пор неоднократно обновлявшаяся. Говорят, когда они представили Императору чертежи и объяснили концепцию, он сказал, что они там у себя совершенно с ума сошли и не бывать такому никогда. Но вот они, рельсы, по которым регулярно ходят огромные страшные звери, источающие пар и дым, — локусы.

— Кто едет? — крикнул я кучеру, когда карета остановилась перед опущенным шлагбаумом, а гул приближающегося механизма усилился так, что невольно сжалось сердце.

— «Свистящий Том», мой тан!

Я улыбнулся — «Свистящий Том», старый знакомый! Первый большой локус, отбивший со станции КГМ и бесплатно везший первых пассажиров в Лужебург. До него по рельсам сновали маленькие и слабосильные механизмы, в которых не было душ. Тогда хинопсы еще не создали способ приживления души и строили безжизненные машины. Я был там в тот день и помню, какие чувства испытывал. Душа локуса громогласно взбрыкивала и ревела внутри стального брюха, она рвалась вперед, рвалась на восток, объявляя всему миру о том, что «Свистящий Том» отныне ходит по рель-

сам! Тогда казалось, что мир больше никогда не станет прежним. Даже я это понимал, хотя и был еще ребенком. Мир действительно преобразился, вступил в новую эпоху. Эпоху пара и угля, где народы двигаются вперед вместе с прогрессом. Прогресс принес нам облака черного дыма над Старккларом, пепельный снег, новые боевые машины на небе и воде, новое могущество и новые завоевания... Но «Свистящему Тому» нет дела до того, как мы использовали его братьев, он мчится по рельсам, как и тогда, целеустремленно и быстро, грохоча, шипя и свистя.

Чернь, Гарь и Глины — рабочие кварталы Старккларра. Те, кто живет в этих длинных домах, построенных для множества небольших семей, в основном честные подданные, но в одиночку сюда вечерами лучше не соваться. Местные очень не любят чужаков, особенно богатых. К счастью для последних, делать им в рабочих районах совершенно нечего. Фабрики и мануфактуры, принадлежащие ведущим мескийским промышленникам, стоят здесь же. Длинные широкие цеха. Трубы, чадающие день и ночь, покрывают все вокруг гарью и копотью. К северо-западу от Копошилки и Черни лежит Оружейный район. Его настоящее название Велинктон, но так его называют редко. Там находятся предприятия особой важности, фабрики и заводы корпорации «Онтис». Вся территория Оружейного подконтрольна одному человеку, Онтису Буру, главному оружейному фабриканту империи.

Площадь Пяти пальцев, как и все пять улиц, отходящих от нее, считается деловым центром Черни. На Пяти пальцах стоит покосившийся особняк районной управы и так называемый рабочий клуб, а на соседних улицах сосредоточилось большинство лавок и магазинов, банковское отделение, парикмахерские, несколько питетных заведений.

— Это не место для благородного тана, хозяин.

— Я не собираюсь здесь селиться, Себастина. Я только хочу зайти в один маленький ломбард.

Заведения и дома, принадлежащие самашитам, по закону должны отмечаться особым знаком — красной вертикальной полоской на косяке или на другом видном месте. Когда-то на этом стояли последователи Все-Отца, и Императору, который не видел особой разницы между человеческими религиями, пришлось согласиться, чтобы только клирики перестали вопить через своих людей в нижней палате Парламента. На мой взгляд, ничего дельного эта полоска не привнесла. Она только напоминала самашитам, что они чужаки в этом городе и этой державе.

Красная полоска украшает только один дом на Указательном пальце. Себастина легко обогнула меня и под звон колокольчиков распахнула передо мной дверь.

Небольшое, слабо освещенное, но чистое помещение. Застекленный прилавок, две керосиновые лампы на стене, а между ними

образ Карима. Довольно уродливое монструозное существо, которого самашииты почитают своим богом. Благовонные свечки и сейчас тлеют перед образом, заполняя комнату приторно сладким запахом.

— Доброго дня.

За прилавком появился плотный мужчина среднего роста, на вид лет шестьдесят. Как и положено самашииту, он носит усы и бороду, а облачен в вещи строгого черного цвета. Волосы его разделяет ровный пробор ото лба и до затылка, и по этому пробору тянется длинная линия, нанесенная особой красной краской.

— Огромная честь принимать в моем скромном заведении благородного тана.

— Да, огромная, — согласился я, осматривая блестяшки под стеклом. Ничего достойного внимания, разная мелочовка и только. — Но, сдастся мне, незаслуженная. Скажи, любезнейший, а что-нибудь настоящее здесь есть? Я понимаю, что это ломбард, а не ювелирный магазин где-нибудь в Садах, но все же.

— Могу предложить тану великолепные жемчужные подвески.

Жемчуг, конечно! Ничто не притягивает взгляды тани так, как блеск перламутра! Жемчужина — символ Луны, самое ценное украшение для тэнкрисов. Неудивительно, что он предложил мне это в первую очередь.

— Подвески — безусловно, хорошо. А если они из белого золота и усыпаны бриллиантами по четыре карата, то это и вовсе идеально!

Волнение, страх, сожаление. На его лице не отразилось ничего, но в душе все перевернулось.

— Мое имя Бриан л'Мория, господин Брукхаймер. Вам известно, кто я?

— Да, мой тан, — тихо ответил самашиит. — Ваше имя известно всем в этом городе.

— Это очень плохо. Честные люди не должны даже догадываться, как зовут верховного дознавателя Ночной Стражи. Поговорим о подвесках. В ваших интересах быть откровенным, ибо от этого теперь зависит ваша жизнь.

Он не упорствовал и не лгал. Брукхаймер честно рассказал о том, кто принес в его ломбард и заложил четыре золотых подвески, украшенные бриллиантами. По закону должен был истечь определенный срок, прежде чем эти украшения могут появиться на витрине, но Брукхаймер не собирався их продавать просто так. У него были налажены некоторые контакты, по которым он мог бы сбыть товар и немного наварить с этого неплохую сумму.

— Скупка и перепродажа краденого. Пять лет каторги.

— Мой тан...

— Говорите, господин Брукхаймер, я слушаю.

— Этого человека звали Эмиль, совсем парень, картонесец,

судя по произношению. Вихрастый рыжий, нескладный, будто весь из одних локтей.

— И откуда же у этого Эмиля такие, — я повернул ладонь так, чтобы золотые подвески сверкнули в тусклом свете, — прекрасные цацки?

— В моем деле интересоваться такими подробностями не принято, мой тан.

Как и все самашииты, этот превосходно умел держать невозмутимое лицо, даже признаваясь в преступлении. Большинство людей по-особому ведут себя, когда признаются в проступке. Мне всегда казалось, что, совершая преступления, человек договаривается с самим собой, чтобы в своем внутреннем мирке не считать проступок проступком. Так людям легче мириться с самими собой. Тэнкрисы не такие, когда мы совершаем преступления, мы не мучаемся совестью. Уверенность в своей правоте и безжалостность к своим врагам для нас естественны, как дыхание.

— Вы не собираетесь что-либо предпринимать относительно этого человека, хозяин?

— Нет, незачем.

— Он скупал краденое.

— Это может прозвучать расистски, но все самашииты не чисты на руку, если они менялы, ростовщики и содержатели ломбардов. Далее дискриминация по виду профессии — все ростовщики, менялы и содержатели ломбардов не чисты на руку. А между тем они тоже платят налоги. В конце концов, если бы этот человек был кристально честен, кто знает, сколько бы еще мы искали новую ниточку?

— Склоняюсь перед вашей логикой, хозяин.

— Но не поддерживаешь меня, не так ли?

— От слуги требуется абсолютная верность, старательность и безукоризненность, его мнение не имеет значения. У хорошего слуги вообще не должно быть мнения.

Порой мне кажется, что она перегибает.

— Подайте слепому ветерану, благородный тан! — хрипло провыл плешивый нищий в черных очках, протягивающий ко мне дрожащую руку.

— Куда мы теперь, хозяин? — спросила Себастина, отряхивая руки после того, как мягко отшвырнула попрошайку прочь.

— Зайдем в рабочий клуб.

— Это неподобающее место для благородного тана.

Я остановился и обернулся.

— Хозяин?

— Что-то странное витает в воздухе, тебе не кажется?

— Что, хозяин?

— Не знаю. Но, боюсь, что, когда я пойму, что мне сейчас показалось странным, будет уже слишком поздно.

— Заусенец?

— Возможно. Мы идем в рабочий клуб.

— В Старкраре есть множество мест, где ваше появление не нанесет столь уж большого урона вашей репутации. Салон мадам Пенелопы, например.

— Моей репутации не навредит даже пьянка с ратлингами под Последним мостом, Себастина. Не говоря уже о том, что столичная знать и сейчас при моем появлении становится похожа на чернослив — темнеет и морщится. Грязную работу тоже кто-то должен делать. Тузз.

— Ах, мы идем навестить господина Тузза! — без эмоций пробормотала она. — Прошу прощения за свою несообразительность.

Нам действительно повезло, если можно так выразиться. Ведь господин Тузз обитал на площади Пяти пальцев, в, а точнее, под зданием рабочего клуба. В иерархии столичных преступников он занимал место высшего из низших. Старый Тузз не проворачивал денежных сделок, не подкупал чиновников и не рвался в политику. Нет, этот человек руководил уличной армией. Исполнители всех мастей крутились вокруг него и получали работу, которую Туззу в свою очередь заказывал кто-то более влиятельный, но не желающий рисковать репутацией. Тузз руководил карманниками, домушниками, вымогателями, поджигателями и уличными грабителями. Уличная армия — ночной народ жил по его указке. Не все, конечно, но в Черни именно он был тем самым пауком, который сидел в центре паутины и дергал за нити, почти коллега.

Мы вошли в просторный темный зал, пропахший кислым пивом и покрытый копотью от пола до высоких потолочных балок. Встроенные в стены газовые светильники разгоняли мрак ровно настолько, сколько надо, чтобы не наткнуться на столы. Из этого мрака на нас таранилось множество неприятных физиономий. Перейдя через зал, я постучал в неприметную дверь, снабженную смотровым окошком.

— Кто? — глухо донеслось с той стороны.

— Открывай, мне нужен Тузз.

— А мне нужен условный стук!

Я постучал еще раз.

— Это не условный стук!

— Себастина, я забыл условный стук. Вырви дверь.

— Слушаюсь, хозяин.

— Постойте, подождите! Да стойте же вы! — Дверь немедленно раскрыл шумно дышащий дахорач. — Если вы опять сломаете дверь, мне опять придется за нее платить!

Мы едва протиснулись мимо этого здоровяка и зашагали по лестнице вниз, затем один поворот направо и длинный затхлый коридор с виднеющимися из стен трубами, по которым течет газ. В конце коридора за серым отгораживающим полотном еще один

зал, почти такой же, как и верхний, но посетителей в нем намного больше, свободных мест за длинными столами почти нет. Я прошел по грязным доскам и окунулся в океан неприязни. В окружении крепких телохранителей разных рас особняком сидел шуплый старик с обширной плешью.

— Тузз, Тузз, Тузз... Сколько раз мне приходилось спускаться в это милое местечко, чтобы лицезреть твою милую морду, и постоянно ты пытаешься разыграть эту идиотскую карту с подменой.

— Откуда я знаю, кто навевается ко мне в гости! Быть может, это подосланный убийца! — хмуро ответил неприятный толстый человек среднего возраста, сгоняя старика со старого потертого кресла.

Жировые складки Старого Тузза еще колыхались, когда Себастина вырвала из-под кого-то стул и предоставила мне сидячее место. Она не могла позволить, чтобы я стоял на ногах, в то время как всякое отребье сидит. В первый мой визит сюда она попыталась заставить присутствующих стоять, но получилось наоборот — они все легли. Некоторые легли навечно.

— Тан л'Мория в наших гостеприимных хоромах! Мы почти начали скучать с прошлого раза! — Тузз затынулся вонючей дешевой сигарой и фальшиво улыбнулся. Этот человек неприятен мне всем своим существом, начиная с его лоснящейся потной рожи и кончая злобой, переполняющей его нутро, но что делать тому, кто обязан вращаться в среде отбросов по долгу службы? — Что привело вас сегодня?

— Ты не поверишь, Тузз, я просто оказался рядом и решил навестить знакомого.

— А живодерку зачем притащил?

— А ты разве видел меня без нее хоть раз? — Я наклонился вперед и положил подбородок на набалдашник трости. При этом двое ближних телохранителей, человек и люпс, немного напряглись. — Неприятно чувствовать, что стоит мне сказать «убей», и кровь польется... Себастина, это было сказано к примеру!

— Простите, хозяин. — Горничная отступила на два шага назад, а вот бледность у присутствующих не спадет еще несколько часов.

— Короч! Мне не с руки терпеть вас здесь дольше необходимого! — Тузз выплюнул окуроч и провел по морщинистому лбу просаленным платком.

— Нужно, чтобы ты нашел для меня человека, который сдал в ломбард четыре золотых подвески. Вот эти.

Одна из подвесок перекочевала в пальцы-сардельки Тузза. Уличный заправила пристроил к глазу ювелирную лупу.

— Занятная вещица! В ломбарде прикупил, говоришь?

— Эта вещица принадлежала очень влиятельному человеку из верхушки столичного общества. Он убит, и наш с тобой общий сюзерен лично возжаждал крови виновных. Поверь мне, Тузз, если я

или Скоальт-Ярд не найдем убийц, в дело вступят отряды провожатых. Я вижу вокруг огромную толпу самого мерзкого отребья, сущих головорезов, готовых пустить ножи и револьверы в ход, но сколько из них станут тебя защищать, когда появятся императорские гвардейцы?

Его покрасневшее и покрывшееся тонкой пленкой пота лицо скривилось! Однако у таких людей, как Тузз, вместе со страхом появляется и гнев, иначе бы они просто не выживали в подворотнях Старкрана.

— Так какого же демона ты притащил сюда эту тифозную подвеску, проклятый сукин сын?! — взревел Старый Тузз, вскакивая со своего места.

В повисшей тишине я неспешно поднялся и сделал несколько шагов ему навстречу.

— Если поговорить о родословной, то моя мать была благородной тани, госпожой Голоса, за которой стояли десятки поколений благородных предков, вершащих судьбу Мескии. А твоя мать была шлюхой, которую умудрился обрюхатить уличный пес. Чувствуешь разницу? Советую запомнить. В следующий раз, когда ты упомянешь мою матушку, я прикажу Себастине зашить твой смердящий рот и прорежу тебе новый где-нибудь под третьим подбородком. — Я ткнул Старого Тузза в грудь, и он упал обратно в кресло. — Считаю это стимулом, Тузз, тебе ведь нужен стимул? Но не деньги и не приверженность идее. Лучший стимул для таких, как ты, — угроза собственной шкуре. Найди мне молодого картонесца по имени Эмиль, нескладного, худого, рыжеволосого, и тогда сможешь продолжать спокойно существовать в этой выгребной яме.

— Это все? — проворчал он, таращась на меня из-под редких бровей.

— В идеале мне нужен живой добытчик. Вор, укравший драгоценности.

— Может, еще что-нибудь? — скривил губы Тузз. — Чаем вас не угостить?

— Пойлом, которое здесь подают под видом чая, я бы и обувь мыть не стал.

— Старший! — донеслось откуда-то со стороны.

— Отвянь, Черпак, я занят! — рыкнул Тузз.

— Но, старший, труба ходуном ходит!

В относительной тишине нижнего зала действительно разносилось неприятное металлическое позвякивание.

— Облава, — прошипел Старый Тузз, в котором ненависть и гнев загорелись с новой силой. — Это ты привел их, тэнкрис?!

— Никого я не приводил, — ответил я твердо. — Совпадения случаются. А теперь не глупи и показывай дорогу.

— Дорогу?! Какую к тням дорогу?!

— Это же твое убежище, Тузз! Неужели ты был столь туп, что не оборудовал один-два запасных выхода?

— Допустим, но почему я должен тащить тебя с собой?!

— Потому что у меня всегда есть Себастина, которая оставит здесь и тебя, и еще часть присутствующих с переломанными ногами. А я скажу констеблям, что произвел зачистку сего гнезда преступности. Как тебе такой вариант? Или же мы уйдем вместе, и Скоальт-Ярд не узнает об услугах, которые ты оказываешь Ночной Страже. У нас обоих есть репутация, но я неприкосновенен, а тебя свои же на куски порвут.

— Иди за мной, — выплюнул он.

— Хозяин.

— Себастина?

— Я почти уверена, что слышала рык старшего инспектора Вольфельда секунду назад.

— Тузз, шевелись! — приказал я.

Если Вольфельд поймает меня здесь, то... Ничего со мной не произойдет. Ночная Стража вне юрисдикций кого бы то ни было, кроме лично Императора, и ее сотрудники подотчетны исключительно мне. Но в то же время я просто не могу позволить старшему инспектору и простым констеблям настичь меня за работой. Во-первых, Вольфельд решит, что напал на верный след, во-вторых, сомнение инспектора поднимется до небес, а я не могу допустить такого.

По знаку Тузза люпс и еще несколько бандитов покрепче буквально бросились на стены. Оказалось, что в некоторых местах кирпичи, составлявшие тело стен, не имеют между собой никакого раствора, а лишь покрыты штукатуркой. В итоге бандиты просто протаранили проходы достаточно широкие, чтобы в них мог пролезть даже дахорач. Мы бросились по темному коридору навстречу запахам канализации и влажной духоте. Люди Тузза несли несколько керосиновых ламп, трое бежали спереди, еще двое следили за тем, чтобы жирный урод не сбавлял темпа. Для своего возраста и комплекции он двигался очень даже спорно. Бандиты открыли и закрыли несколько железных решетчатых дверей по пути нашего следования, и лишь тогда мы оказались на широком парапете над рекой смрадных помоев.

— Теперь мы идем разными дорогами, тан! — задыхаясь, прохрипел Старый Тузз.

— В рабочем клубе, полагаю, ты нескоро появишься? Куда бежишь?

— Так я тебе и расскажу! — мерзко рассмеялся он. — И еще карту нарисую!

— Не утруждай себя. Если ты мне понадобишься, я тебя найду, несмотря ни на что.

Тузз досадливо сплюнул.

— И учти, время не терпит. Чем скорее я получу посредника, а еще лучше, узнаю имя вора, тем меньше будет вероятность, что ты встретишься с горбатой вдовой! Я доходчиво объясняю?

— Вполне, — скрипнул зубами он, обдавая меня волной ненависти, почти такой же смердящей, как нечистоты, текущие совсем рядом.

Мы с Себастиной двинулись в противоположном направлении от того, которое выбрали головорезы Тузза. Некоторое время мы молча торопились, но сбавили темп, уверившись, что за нами нет погони. В таком месте, как старкрарская канализация, даже люпсово чутье не поможет найти беглецов.

— Каковы наши дальнейшие действия, хозяин?

— Найти выход отсюда и не искупаться в нечистотах.

Плутать в бесконечных тоннелях пришлось долго. Чувство времени в подземелье притупляется, и потому, когда мы все-таки выбрались под скудный вечерний свет, я не смог с уверенностью решить, был ли это вечер того же дня или уже следующего.

— Видишь те фабричные здания за оградой?

— Да, хозяин.

— Это здания Бура. Мы пропетляли по тоннелям под половиной Черни и выбрались в Оружейном районе.

— Хозяин, нам стоит посетить это предприятие и потребовать помощи у администрации.

— Милостыню попросить?

— Род л'Мория один из богатейших в Старкраре. Вам не нужна милостыня.

— Когда-нибудь я научу тебя различать сарказм.

— Прошу прощения, хозяин. Я хотела предложить позаимствовать повозку из фабричного парка, чтобы нас быстрее довели до дома.

— Себастина, посмотри, какой закат! Мы можем прогуляться!

— Хозяин, вы благородный тан, но пахнет от вас хуже, чем от самого заурядного ратлинга. Вам не подобает так пахнуть, а посему нам лучше поторопиться.

Спорить бессмысленно, она все равно победит.

Инсигния дознавателя Ночной Стражи может открыть множество дверей. Инсигния верховного дознавателя может открыть почти все двери. Также этот посеребренный прямоугольник дает мне право реквизировать любой предмет и любого человека без объяснения причин. Рапорт о содеянном я дам позже лично Императору, если его величество вообще заинтересуется моим рабочим процессом. В теории я могу немедленно реквизировать в личное подчинение полк столичных констеблей или даже ош-зан-кай, а объяснения давать уже потом. Надо будет как-нибудь попробовать.

Пройти на охраняемую территорию получилось с минутной за-

минкой. Пришлось ждать фабричного директора, который лично вышел мне навстречу, дабы удостовериться в наличии инсигнии и моей личности. Нас провели в фабричный паропарк и предоставили на выбор любое транспортное средство. Тут появилась проблема — у них нет транспорта на лошадиной тяге. Фабрика использует только механические паровые повозки для транспортировки сырья и готовой продукции.

— Хозяин не любит стимеры, — холодно сообщила Себастина, напугав руководителя предприятия.

— Себастина, не будем капризничать! Мы и так злоупотребляем гостеприимством.

— Вы оказываете этим людям честь своим присутствием, хозяин. Они должны быть благодарны.

Не знаю, что насчет благодарности, но желание этих людей поскорее перестать нас видеть для меня очевидно. Что поделывать, мне действительно не по нраву эти новомодные паровые телеги, придуманные хинопсами и с таким восторгом перенятые людьми. Локусы, дирижабли и морские броненосцы — иное дело, они огромны, величественны и служат оружием Мескийской Империи. Что же до стимеров, то они слишком быстры, часто ломаются, шипят, грохочут, давят жителей... Ирония судьбы в том, что мне-то как раз было бы удобнее ездить на собственном стимере, потому что лошади меня боятся и терпят через силу, когда я в экипаже. Примерно так же вел себя заводской водитель, любезно выделенный нам вместе с машиной. Не знаю, нервировал ли его настороженный взгляд Себастины, или же наш запах...

Вернувшись домой, я в первую очередь отлежался в ванной. Себастина часто перегибает палку, но в одном она права всегда, от тэнкриса не должно пахнуть, как от ратлинга, этого даже сами ратлинги не поймут и не примут. Рассматривая блестящие медные трубы, тянущиеся вдоль стен, я подумал о том, что живу в эпоху перемен. Конечно, все постоянно меняется, но сей процесс должен идти медленно, что называется эволюционно. На мою же жизнь выпал резкий скачок в развитии — промышленная и техническая революция. Хинопсы давно сотрудничают с приютившей их Мескийей, но именно на мой век пришлись все их последние изобретения. Новая трактовка законов физики и все те блага, которые они дали, — всего этого не было еще сто лет назад. Довольно короткий срок для тэнкриса. Почему я думаю об этом, лежа в белой ракушке ванной, наполненной горячей водой? Наверное, потому, что я тэнкрис и, как и все тэнкрисы, я с большим трудом терплю перемены. Мы трясемся за свои традиции и обычаи, как будто это они делают нас теми, кто мы есть, а не право высокой крови. Мы так любим свою историю, будто из нее проистекает наша магия. Что там говорить, многие состоятельные тэнкрисы до сих пор не обустроили свои дома центральным отоплением, какое было у покойного де

Моранжака. А ведь зимы в наших широтах долгие и холодные... Снова этот угольщик всплыл в голове. Старик был честен, но гробы с углем за один день не пустеют, тем паче, если слуги, которые должны топить печь, мертвы.

Я закончил купание, обтерся полотенцем и оделся. Себастина время от времени пытается штурмовать ванну, ибо считает, что всенепременно должна обслуживать меня и во время купания. Я крепко держу эту линию обороны, купание — время одиночества. Но, конечно, когда я выхожу, она уже ждет на пороге.

— Луи просит разрешения подавать ужин, хозяин.

— Пускай начинает, буду через минуту.

— Следуя букве этикета, еда не должна ждать вас, но вы должны ждать еду.

— Тогда пусть не подает, мне нужно в кабинет.

Позади послышался визг и звук глухого удара. Что оставило нас совершенно равнодушными, ведь Мелинда всегда поскользывается, когда заходит прибраться в ванной. Единственное, чего я боюсь, это то, что она ударится головой.

Открыв дверь кабинета, я громко вскрикнул:

— Замрите!

Красновласая тани замерла с рукой, протянутой к полке, на которой рядом с книгами у меня лежала духовая трубка.

— Не трогайте дротики, тани, пожалуйста.

Она покорно убрала руку.

— Они отравлены?

— В каком-то смысле. — Я смог войти в кабинет, чувствуя, как сердце продолжает колотиться. — Эту вещь привез мне из дальнего путешествия один мой знакомый. Доракия, знаете, где это?

— Нет, мой тан, — неуверенно сказала она, — впервые слышу.

— Доракия — одна из многочисленных колоний Мескии на раскаленном южном континенте Ньюмбани. Да, у империи там огромные владения, даже в сравнении со всеми остальными державами Севера. Но даже мы мало знаем о непокорных народах, живущих в глубине земель, которые мы так самонадеянно провозглашаем своими! И в тех диких землях живут совершенно дикие разумные существа. Эти дротики оттуда. Тот, кто привез их, сказал мне, что на кончиках этих дротики дремлют злые духи. Лоа. Они дремлют в ожидании крови, и как только они ее испробуют, то замучают страшным образом того, чья кровь их пробудила. Это магия диких шаманов, заклинателей духов, птиц и зверей.

Она, внимательно дослушав мои разглагольствования, обернулась и бросила на сувенир новый взгляд.

— Это правда? Про духов?

— Я не знаю. Но я знаю, что не хочу знать.

— Мне не верится.

— Почему? Вы разве не догадываетесь, на что способен настоящий маг?

Она нахмурилась:

— Сказать по чести, я нет, тан л'Мория. А вы?

— Я обязан знать такие вещи. Магия может стать орудием преступления, а это сфера моих интересов. Но есть и другая магия. Когда я служил в Малдизе, я и не такое видел... — И тут я резко себя оборвал. Мне стало стыдно, ведь подобно какому-то полоумному старику, я чуть не начал рассказывать об ужасах войны! И кому! Прелестной тани, которую я даже не знаю! Что же мне рассказать ей? Как боевые маги Мескии превращают вражеские роты в лужи кипящего мясного бульона? Это, по меньшей мере, поступок, достойный идиота. — Тани, а что вы делаете в моем кабинете?

— Простите, тан, но мне никто не говорил, что в доме есть комнаты, закрытые для посещения.

Не знаю, случайно ли она выбрала именно эту фразу, чтобы «хлестнуть меня стеком по лицу».

— Разумеется, это не так! Весь дом в вашем распоряжении, но некоторые комнаты, как эта, например, наполнены всевозможными опасными вещами. Для вашего блага и вашей безопасности было бы лучше...

— Добрый тан, зачем же вам столько опасных вещей?

Она осмотрела стены, полки, стеллажи, заполненные диковинками с разных частей света. Вполне понятными кинжалами, ножами, револьверами, старыми однозарядными револьверами и вещами, совершенно безобидными на вид: духовой трубкой, похожей на флейту, шкатулкой со спрятанной отравленной иглой, перстнями, перьями для письма, очками в странной оправе, брошками, запонками и так далее. Все эти вещи были созданы для скрытого убийства, и я находил в них особую прелесть. К своему удивлению, я не ощутил в ней ни страха, ни отвращения, лишь любопытство.

— Кто-то коллекционирует породистых лошадей, кто-то, простите за пошлость, породистых женщин, кому-то нравятся картины, а кому-то музыкальные инструменты. Что до меня, то лошадям я не мил, как и большинству женщин, которым плачу взаимностью. Смычок рвется из пальцев, клавиши меняются местами, стоит мне только сесть за клавишину... У каждого должно быть увлечение. Мое — вот здесь.

— Я просто осматривалась, — наконец сказала она. — Простите, если нарушила приватность. Больше такого не повторится. Вы гостеприимный хозяин, и непростительно с моей стороны вашим гостеприимством злоупотреблять.

Я машинально поправил на носу очки, посмотрел на свой стол и подумал, что если заставлю Луи ждать еще дольше, то это будет чревато. Когда он беспокоится, его потряхивает, и в еду сыплется больше соли, муки, перца и сахара, чем требуется.

Себастина заранее приказала накрыть ужин в большой трапезной. Луи расстарался, сверкнул своим кулинарным искусством. Готовя для меня, он не может достаточно широко развернуться, потому что я прихотлив в еде. Говоря иначе, я настоящий кошмар для повара, чьи деликатесы становятся кошмарами для меня.

— Тани, позвольте спросить вас. — Я воспользовался перерывом во время смены блюд, — Как обстоит дело с вашей памятью? Вы что-нибудь вспомнили?

Она помедлила секунду и качнула головой. При этом на ее переносице появились милые морщинки.

— Можете не отвечать.

— Я действительно ничего не вспомнила, тан л'Мория. Простите.

— Исходя из некоторых медицинских трудов, которые мне довелось изучить, нам не следует ждать изменений немедленно. Однако и запускать это не стоит. Я имею в виду...

— Почему вы улыбаетесь, тан л'Мория? — спросила она, смущаясь.

— Должен просить прощения за эту вольность. Понимаете, ваше появление в любом другом доме Старкрара, несомненно, вызвало бы огромный ажиотаж. Это естественно, ведь вы тани — носительница благороднейшей крови, потерянная, лишенная памяти посреди столицы Мескии. Вас бы не оставляли ни на секунду легионы личных горничных и благоговеющие хозяева, вам бы пришлось принимать лучших докторов и целителей, которые пытались бы исправить положение с вашей памятью. Но Луна распорядилась так, что вы попали в дом, где по моей вине будто изолированы. В этом доме тайны и загадки также обыденны, как пятичасовой чай. Мне очень стыдно, что, выбирая между заботой о вас и государственной службой, я посмел выбрать второе...

— В таком случае я очень рада, что из всех домов Старкрара я оказалась в вашем, тан л'Мория, — сказала она уверенно. — Я чувствую себя здесь в полной безопасности и, сказать по правде, не желаю встречаться с незнакомыми людьми. Наверное, это прозвучало странно?

— Прекрасная незнакомка у меня в гостях — само по себе странное событие, тани. Но я обещаю, что обязательно урву время и займусь вопросом выяснения вашей личности. Все отделы Скоальт-Ярда и Ночная Стража уже работают над этим. Посему, уверяю вас, тани, если вы родились не на днях, то мы узнаем, кто вы. А пока что я мучим совестью оттого, что не принимаю непосредственного участия в этом вопросе...

— Графиня л'Мория заверила меня, что вы все исправите, она не сомневается в вас. К тому же я гошу здесь так недолго, что может выясниться за столь... Я что-то не так сказала?

Испуг, смущение, раскаяние.

— Нет-нет, тани, что вы! Просто я еще не был осведомлен, что моя дорогая двоюродная бабушка оказала честь и прибыла сегодня, пока меня не было.

Я скосил взгляд на Себастину, которая притворилась статуей, но спрашивать ничего не стал. Если спрошу сейчас, то она просто извинится за свою «некомпетентность». А если бы рядом не было очаровательной незнакомки, горничная ответила бы, что не хотела портить аппетит. Графиня л'Мория была в моем доме, пока я отсутствовал, одна эта мысль вызывала мурашки по всему телу.

— Значит, она, моя дорогая бабушка, приехала навестить меня?

— Нет, тан л'Мория, она сказала, что приехала увидеться со мной. По ее словам уже вся столица знает о том, что... Мне право неловко. Я привлекла к вашему дому ненужное внимание.

Да, как уже было сказано, если бы это был любой другой дом, то он бы уже ломился от обилия посетителей, желающих взглянуть на новую серебряную звездочку. Но это мой дом, дом Бриана л'Мория, верховного дознавателя, дом носителя проклятой крови и тэнкриса со скверной репутацией. А еще буквально в нескольких минутах ходьбы от моего порога высятся врата в Квартал Теней. Все это в сумме спасло меня от посетителей, но долго ли продлится эффект? Старая кобра приползла первой, разведать обстановку, она меня не боится, она старшая родственница и может являться ко мне в любую минуту, я не имею права отказывать или перечить. А еще она великая интриганка, имеющая и вес при дворе, и влияние, и настоящую власть.

— Наверняка моя добрая бабушка предлагала вам переехать в ее дворец, тани?

— О, она была столь мила, что даже настаивала! — округлила огромные серебряные глаза безымянная красавица. — Это милейшая тани, которую я когда-либо встречала! Признаться, я была одновременно восхищена и обескуражена ее заботой, но отстоять свое решение смогла!

— Это на нее похоже.

— Она сказала, что представит меня Императору!

— И это она может.

— Неужели тани л'Мория знакома с самим Императором? Я не знаю, кто он, но уверена, что это великий чело...

— Тэнкрис.

— Тэнкрис! То есть я, конечно, не подумала, что она мне лгала, но все же до конца не верилось...

— Так получилось, что род л'Мория состоит в очень далеком, но прочном родстве с правящей династией. Как и все благородные дома: л'Калипса, л'Зорназа. Все в разной мере. Графиня не имеет на его величество прямого влияния, но он относится к ней как к доброй сестрице. — Да, а еще Алфина л'Мория состоит в пятерке сильнейших магов Мескии и, как и положено истинной л'Мория,

верно служит опорой трона. Ее слово очень много весит, и к ней прислушивается даже монарх.

— Вот как? Весьма впечатляющее резюме! Тани л'Мория попросила меня обращаться к ней по любому поводу и выразила надежду, что завтра вы будете дома, когда она снова приедет навесить меня.

Старая кобра повалилась ходить ко мне в гости ежедневно. Это ужасная новость! Настолько ужасная, что мне больно о ней думать... Мы по обоюдному согласию постарались сократить количество и продолжительность наших встреч до абсолютного минимума, но если она увидела достойную причину для незваных визитов, то не пожалеет ни меня, ни себя. Одно могу утверждать точно, завтра, когда ее светлость заявится, меня в доме не будет!

— ...и я выбрала имя.

— Имя? Какое имя? Ах имя!

— Да, мой тан, я пролиставала книгу, которую вы мне дали, и выбрала имя, которое хотела бы использовать. — Она сделала небольшую паузу, придавая моменту капельку торжественности. — Пока что я буду Аноис с вашего дозволения.

— Аноис. — Я попробовал имя на вкус. — Аноис.

— Вам не нравится?

— Что вы, имя очаровательно, под стать вам! Острое, загадочное, легкое, в то же время милое, ласкающее слух. Аноис. Просто мне подумалось, что это имя для человеческой леди, не для тани.

— А разве есть разница? — Ее ресницы удивленно дрогнули.

— Вообще-то есть, милая тани. Видите ли, тэнкрис получает имя не при рождении, а в присутствии всех членов семьи в возрасте шести месяцев. Каждый тэнкрис получает одно имя и на всю жизнь, мы не вправе менять имена или представляться чужими. Никогда и ни при каких условиях. Можно не называть свое имя, но называть чужого нельзя. В то же время у каждого тэнкриса есть и второе имя. Уменьшительное, оно происходит от первого. Полное имя для внешнего круга — всего мира, короткое для внутреннего круга — семьи и близких друзей. Применение короткого имени персоной из внешнего круга это страшное оскорбление. Таким образом, все имена тэнкрисов должны хорошо сокращаться. Я Бри, мой друг Инчиваль — Инч, бабушка Алфина — Алфи, мою покойную матушку Монрай близкие звали Мон, и так далее. Аноис слишком коротко и не сокращается, однако, если это ваш честный выбор, то это правильный выбор.

— Думаю, что у меня не будет внутреннего круга в ближайшее время.

— А потом измените имя?

— Что мешает мне так поступить?

— Вы — тэнкрис, вы можете делать все, что захотите, тани.

После ужина я пожелал ей спокойной ночи и попросил Мелинду проводить тани в спальню.

— Старая кобра приползала сегодня, а ты мне не сказала.

— Вы не спрашивали о старых кобрах, хозяин. О ее светлости я бы сообщила вам после ужина.

— Разумно.

— К тому же недостойно благородного тана злословить о благородной тани за ее спиной. Тем более о старшей родственнице. Ее честь не страдает, а ваша умалется.

— Я понял твою мысль. Оставь меня, будь добра.

— Хозяин не желает принять вечерний туалет?

— Хозяин желает еще немного посидеть в кабинете, а с вечерним туалетом справится сам. И не надо мне напоминать, что хорошо или плохо для благородного тана. Тихой тебе ночи, Себастина.

Горничная присела в реверансе и пошла на второй этаж. Я заперся в кабинете, включил лампу с зеленым стеклом и стал пересматривать бумаги. Отчеты о вскрытии, отчеты о магическом анализе, отчеты о допросе подозреваемых, перепись имущества. В общем и целом я имею на руках больше дюжины трупов, умерших при неизвестных обстоятельствах, предположительно насильственной смертью. Я имею на руках неизвестного вора, который по совпадению решил ограбить дом государственного обвинителя и первым обнаружил тела. Я имею на руках некоего угольщика Джона Гана, чей зять Генрих доставлял жертвам уголь в день предположительной смерти. И этот угольщик может быть как невероятной удачей, ниспосланной мне Луной, так и пустышкой, которая лишь время отнимет. В конце концов, у меня есть всплывшая подвеска, и тут уж дело за Туззом. Ублюдок не переносит меня так же, как я его, но мне нужны его связи, а он не хочет, чтобы я заострял на нем внимание в Скоальт-Ярде. А вообще-то сказать «спасибо» за эту ситуацию нужно Себастине, ведь от одного меня избавиться вполне возможно, но пока рядом она, всей уличной армии не хватит, чтобы подпортить мою шкуру.

Посмотрев на часы, я потушил лампу и постоял некоторое время перед окном, рассматривая ночную улицу, заметенную снегом. Зимы в Старкраре очень длинные и холодные. Я люблю старкрарские зимы. И старкрарские зимние ночи тоже.

Проснувшись, я с помощью Себастины привел себя в надлежащий вид. Если отогнать ее от себя вечером я еще могу, то в преддверии рабочего дня она не дает мне и малейшего шанса выглядеть менее чем идеально. Я обожаю просыпаться ранним зимним утром, когда еще совсем темно, и думать о том, что летом в это время уже палило бы солнце. Зима — это холод и свежесть, зима — это мое. Хотя старкрарские бездомные со мной бы не согласились.

ГЛОССАРИЙ

ВИДЫ И РАСЫ

Авиаки — птицеподобные разумные существа, насчитывающие более трех десятков рас и проживающие в большинстве уголков мира. Имеют кастово-подвидовое сообщество и склонны к атеизму, общительны, любопытны. Тэнкрисы считают, что авиаки эволюционировали от птиц. Некоторые распространенные виды авиаков: аканди, арани, коракси, аквили, чичири, аксипити, фалки.

Дахорачи — разумные существа, произошедшие, по мнению тэнкрисов, от хищных рыб. Эволюция превратила дахорачей в очень крупных и физически развитых существ-амфибий. Дахорачи всеядны, не конфликтны, холодны, как и их кровь, очень выносливы, живучи. Имеют сильный инстинкт защиты семьи, впадают в ярость при угрозе потомству. Особой чертой этого вида является непереносимость отсутствия света. Дахорачи до ужаса боятся темноты и даже спят при свечах. Имеют толстую серую кожу, восемь глаз, жабры и рудиментарный спинной плавник, перекочевавший в процессе эволюции на голову.

Демоны Темноты — первые дети Темноты, которых она действительно создала сама. В бесчисленном многообразии своем эти существа почти всегда уродливые снаружи и еще более уродливые внутри. Чудовища всех мастей, размеров и видов, от могущественных исполинов до неразумных демонических зверей. Они воплощают многоликое зло своей матери, ее голод и коварство. Когда Темнота совратила тэнкрисов, демоны вышли из фавора, и многим из них пришлось признать приемышей своими хозяевами. Самые же сильные и непокорные ушли в измерение, известное как Внешние Пустоши.

Днагурданы — разумные существа неизвестного происхождения. Имеют отталкивающий вид. Способны к быстрой регенерации, сильны, спокойны по своей натуре. Ведут замкнутый образ жизни. Ученые считают днагурданов видом разумных грибов, растущих на падали, но эта информация не подлежит огласке.

Жешзулы — выходцы из Темноты, мелкие демоны, имеющие черты нескольких видов животных. Весьма разумны, владеют речью. Жешзулы наиболее опасны тем, что, если обратиться к ним напрямую, можно лишиться души.

Люди — один из младших разумных видов, имеющий много подвидов (рас). В большинстве своем поклоняются богу Все-Отцу. Тэнкрисы считают, что люди эволюционировали от обезьян.

Люпсы — разумные волкоподобные существа, более крупные, сильные, быстрые и агрессивные, чем люди, покрыты шерстью, имеют когти, волчьи головы. Прямоходящие. Люпсы живут замкнутыми стайными сообществами, их культура и быт сокрыты от посторонних глаз, важное место в них занимают традиции и законы волчьей стаи. Люпсы отменные воины и солдаты, но слабые мыслители или маги. Поклоняются богу-волку Акару. Тэнкрисы считают, что люпсы эволюционировали от волков и некоторых других псовых. Сакральное значение в религии люпсов имеет камень Акара. По их мнению, камни этой породы являются частями тела бога-волка Акара. Камень Акара существует в каждой общине люпсов, он может быть любого размера: от крошечного осколка до целой скалы. Обычно размер камня прямо пропорционален значимости данной общины. Возле этого камня проходит и погребальный обряд, частью которого является поедание тела умершего. Люпсы верят, что так сохраняют в себе частичку ушедшего сородича навечно.

Малодиусы — выходцы из Темноты, вампиры. Горбаты от природы, лысы, уродливы, имеют огромные кожистые крылья.

Тэнкрисы (дети Луны) — старший из всех разумных видов мира. В отличие от прочих, не эволюционировали, а пришли в мир на заре времен, сбежав со своей родины — Шелана. Тэнкрисы во многом подобны людям, но они выше, стройнее, быстрее, сильнее, выносливее. В среднем среди них рождается больше магов, чем среди людей и авиаков. У тэнкрисов не растут волосы на лице за исключением бровей и ресниц, зато имеются более длинные и острые клыки, породившие в прошлом многие мифы о вампирах. Признаком высшей чистоты крови являются белые волосы и серебряный цвет радужки. Обычные тэнкрисы могут доживать до трех веков, но члены императорской фамилии порой живут вдвое дольше. Каждый тэнкрис имеет свой неповторимый Голос. Это народ прирожденных лидеров, властных правителей, учителей и владык, которые на протяжении истории объединяли вокруг себя младшие виды, пользуясь харизмой и силой, вели кровопролитные войны за власть, которую тэнкрисы жаждут, ибо это основная

потребность их природы. Тэнкрисы способны на жестокие и кровавые поступки; жестко трактуют понятия чести. Народ тэнкрисов расколот на две фракции: Раскаившихся и Упорствующих. Первые поклоняются богине Силане, вторые — Темноте.

Тэнкрисы делятся на четыре клана, четыре древних родовых образования по различию кровных линий, представители которых являлись властителями четырех древних тэнкрисских держав, пока их не объединил первый Император.

Император — священный правитель Мескийской Империи, ведущий свой род от первого раскаившегося тэнкриса, вышедшего в лунный свет к плачущей матери. Императоры несут в себе особую силу, которую часто называют «благодатью Императоров», наследие древнейшей крови, которое делает их намного выше, сильнее и живучее остальных детей Луны. Императоры обладают подавляющей всевластной волей, харизмой и амбициями, затмевающими солнце, они правители правителей, чья власть фактически не ограничена ничем. Император является не только главой государства, но и ортодоксальной мескийской (несмерианской) церкви. В отличие от остальных тэнкрисов, наследники этой династии несут в себе от трех до семи Голосов, которые неизменно отличаются огромной боевой силой. Имена Императоров и их прямого потомства по мужской линии хранятся в строжайшем секрете как важнейшая государственная тайна.

Голос — уникальный сверхъестественный дар, которым обладает каждый тэнкрис, если его кровь не сильно разбавлена человеческой. Голоса раздала на заре времен тэнкрисам Силана, дабы они могли защищаться в новом, неизведанном мире. Основных типов Голосов четыре: атакующие, защищающие, перевоплощающие и четвертый тип, дающий тэнкрису некое умение, слишком необычное, чтобы иметь название. Двух одинаковых Голосов одновременно существовать не может. Когда тэнкрис умирает, его Голос передается любому новорожденному тэнкрису в мире. Проследить процесс перерождения Голоса невозможно.

Упорствующие — тэнкрисы, на заре веков не вышедшие навстречу матери Силане и перешедшие в объятия Темноты. Практикуют темное колдовство, повелевают нечистью. Их волосы всегда имеют черный цвет, а глаза с вертикальными зрачками подобны рубинам. Колдуны народа Упорствующих, черноусты (также чернорыльчики) практикуют проклятия, демонологию, некромантию, чары одержимости и прочие темные искусства.

Раскаившиеся — тэнкрисы, на заре времен внявшие слезам своей матери Силаны и вышедшие ей навстречу из Тени. Получили от нее Голоса и остались в мире под Луной. Их волосы могут иметь практически любой цвет, кроме черного, а глаза никогда не бывают красного цвета.

Серебряная Дорога — путь в Шелан для душ тэнкрисов, окон-

чивших свой жизненный путь. Также аллегория, означающая смерть для тэнкриса.

Серебряные Часовые — личные телохранители Императора и его семьи. Как правило, это выходцы благороднейших из благородных домов, обладающие сильным Голосом и боевыми навыками. Серебряные Часовые носят плащи и латы серебряного цвета, имеющие магические свойства, и вооружены уникальными магическими клинками из числа бесценных раритетов времен рассвета магии. Телохранители дают клятву верно служить Императорам до самой смерти и вступают в ряды Серебряных Часовых пожизненно, отказываясь от имущества и регалий.

Оок — разумные растительные формы жизни, насчитывающие десятки подвидов, но являющиеся единым народом. Оок поголовно владеют телепатией и полностью контролируют собственные тела. Они имеют огромную физическую силу, способны достигать гигантских размеров и хранят в себе некоторые мистические тайны, напрямую связывающие их с более низкими представителями флоры. Живут замкнуто, об их культуре ничего не известно.

Ратлинги — низшая прослойка общества, мусорщики, попрошайки, существа, по мнению тэнкрисов, эволюционировавшие от крыс. Ратлинги редко достигают полуметровой длины, похожи на больших крыс с развитыми до состояния рук передними лапами. Разумны, но глупы, говорят плохо, чаще общаются на крысином языке, постоянно озабочены поисками пищи. Культуры и религии не имеют.

Хинопсы — самые таинственные и замкнутые существа в Мескии и, возможно, во всем мире. Их происхождение неизвестно, так же, как и истинный внешний вид. Хинопсы довольно высоки, носят непроницаемые черные плащи, скрывающие их тела, и похожие, однако довольно разнообразные в деталях маски. Их всегда сопровождает тихое металлическое ляганье и скрип. Хинопсы появились сравнительно недавно, меньше трех веков до описываемых событий. Точное их количество неизвестно, но считается, что изначально их было немного. Они изъявили желание принять мескийское подданство и получить от Мескии ресурсы для своих исследований. Взамен хинопсы предложили империи технологии. Именно они подарили миру практически всю современную машинерию, создали первые дирижабли, локусы, морские броненосцы и стимеры, паровые двигатели, парометы, дальнобойную артиллерию, а также электричество. Магические способности хинопсов — тоже тайна, однако лишь они могут приживлять своим машинам так называемые души. Известно, что по желанию создателей душа

может быть отозвана из механизма в любой момент, что приводит к взрыву огромной мощности.

БОГИ

Акар — бог-волк, покровительствующий люпсам. Последователи Акара также зовут его Каменным Волком, считая, что он бился с Темнотой на просторах девственного мира еще до прихода тэнкрисов, но их Первые Песни отвлекли его от битвы, и Темнота одолела Акара, разбив его каменное тело на тысячи осколков, которые и являются камнями Акара. Также люпсы считают своего бога мужем богини Силаны, Серебряной Волчицы. Тэнкрисы не согласны с трактовкой культа Акара.

Все-Отец — один из наиболее популярных богов, покровитель человечества, добрый бог по умолчанию. Культ Все-Отца проповедует десять Смиряющих Добродетелей и остерегает от семи Изначальных Упадков.

Кальвишиани — темный бог, главный злодей малдизского пантеона, также известный под именем Пожиратель Младенцев.

Санкаришма — главный светлый бог малдизского пантеона, ищущий бог, защитник высшей справедливости и возмездия.

Силана (Луна) — богиня-мать всех тэнкрисов, пришедшая за ними в новый мир, когда они сбежали от ее присмотра в Шелане. Богиня, зажегшая в ночном небе Луну, чтобы ее свет помогал искать сбежавших детей. Ее священные атрибуты: серебро, жемчуг и перламутр. Раздала Раскаявшимся Голоса, прежде чем вернуться в Шелан.

Темнота (Темная Мать, Вечно Алчущая) — первородное зло в понимании тэнкрисов. Некая злая сущность, обитавшая в тенях на заре времен и совратившая часть старшего народа, заманив его в иной мир. Темнота любит своих приемных детей и наделяет их огромной властью, но после смерти все их души падают в ее ненасытную утробу.

ТЕХНИКА

Локус — паровая машина-тягач, перевозящая вагоны по железным дорогам. Обладает огромной мощностью и скоростью хода, практически всегда снабжена душой и личным именем.

Бронелокус — локус военного типа, более мощный и агрессивный, нежели обычный локус. Как правило, обвешан толстыми плитами брони и оружием, начиная от крупнокалиберных парометов и кончая малокалиберными артиллерийскими орудиями. Бронелокусы, как правило, используются для перевозки армейских соединений в горячих точках, а также в качестве дополнительной поддержки действующей армии.

Некоторые локусы и бронелокусы обладают душой. Это некий энергетический сгусток, обладающий зачатками интеллекта, который хинопсы вселяют в некоторые образцы техники. Считается, что механизмы, обладающие душой, работают дольше, лучше и меньше поддаются износу. Обычно души ставятся внутрь дирижаблей, локусов и крупных морских судов, в частности военных броненосцев, крейсеров, эсминцев. Некоторые образцы невоенной техники также снабжаются душой.

Стимер — самоходное колесное средство передвижения на паровом и/или угольном двигателе, используется как для частных, так и для военных целей. Обычно не наделен душой.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ

Квартал Теней — место, где грань между миром под Луной и миром в Темноте истончена до предела. За несколько веков до описанных событий на этом месте произошел магический катаклизм, навсегда изуродовавший его, а также исковеркавший сущности его жителей. Окружен магической стеной и находится под охраной. Жители этого квартала, три с лишним века назад попавшие под воздействие магической аномалии вследствие истончения прослойки между миром под Луной и миром в Темноте, — тени. Аномалия превратила тех несчастных в призрачные существа, которые ночью ведут подобие своей прошлой жизни, но с приходом дня превращаются в страшных кровожадных тварей, практически неуязвимых и жаждущих живой крови. Городские легенды гласят, что всякий, кого сожрут тени, сам станет тенью, но КГМ не может ничего сказать по этому поводу.

Малдиз — одно из восточных государств, подвергнувшееся колониальной экспансии. Несмотря на свою древнюю историю и культуру, а также на размеры, Малдиз был и остается малоразвитой в плане военной силы и науки страной с большими плодородными территориями и множеством полезных ископаемых.

Мескийская Империя (Меския) — самая большая, богатая и могущественная держава в мире, владеющая множеством колоний и

постоянно ведущая локальные войны. Несомненно, древнейшая страна в мире, ее точный возраст неизвестен никому, по разным данным он составляет от пятнадцати до тридцати пяти тысяч лет. Первый Император основал Мескию еще в те времена, когда большинство младших видов пребывали в примитивном невежестве и являлись подданными-рабами правителей-тэнкрисов во множестве феодальных княжеств, а иные и вовсе еще были животными. Ныне Меския — это самая прогрессивная и по-прежнему самая могущественная держава в мире. Она сочетает в себе мощь технического прогресса и знания древней магии, объединяет десятки народов и религий, постоянно меняется, приспособляясь к реалиям мира. Единственное, что остается неизменным в Мескии, это власть тэнкрисов.

Шелан — родной мир тэнкрисов и их божественный отец. Известно, что в Шелане мало суши, но океаны его необъятны. Тэнкрисы считают, что именно поэтому их народу присуща любовь к морю.

ОРУЖИЕ

«**Тиран**» — самый крупный класс боевых дирижаблей в мире во время описываемых событий. Несет на борту дальнобойные и скорострельные артиллерийские орудия, парометы, хорошо бронирован. Укомплектован также некоторым числом алхимических и магических бомб. Данный класс редко используют для прямого боя (количество пушек основного калибра вынудило инженера сконструировать батареи, стреляющие только вперед, такая конструкция не подходит для боя борт-в-борт), но он незаменим как орудийная платформа для дальнего обстрела и подавления сил противника.

«**Читар**» — наиболее востребованное армией и флотами Мескии артиллерийское орудие, стреляющее снарядами сто двадцать третьего калибра. С учетом уровня развития алхимической металлургии «Читар» является золотой серединой по параметрам веса, прочности, дальнобойности, точности и скорости стрельбы. Был принят на вооружение регулярной армией, а после некоторых модификаций и военно-воздушными и военно-морскими силами Мескии.

«**Маскилла**» — наиболее востребованная и совершенная модель станкового паромета в мире, стреляет пулями калибра пятнадцать миллиметров. Широко используется в военной авиации, военном

кораблестроении и в сухопутных силах. Изобретен паромет мескийским инженером Тобеасом Маскиллоу.

«**Онзай**» — скорострельное артиллерийское орудие со снарядами восемьдесят пятого калибра. Способно с трехсекундными интервалами произвести от пяти до десяти выстрелов, после чего следует пятиминутная задержка для перезарядки. Востребовано в воздушном и морском флоте, но не в полевой артиллерии.

Паромет — пулеметательная машина, использующая силу расширения газов и парового нагнетания для скоростной стрельбы. За счет особой конструкции ствола, парового кожуха и системы нагнетания парового котла имеет дальность, скорость и убийную силу, многократно превосходящие все указанные показатели у обычных пулеметов.

ОРГАНИЗАЦИИ

КГМ (Корпус Государственных Магов) — главная школа магических наук в Мескии, одна из сильнейших магических школ в мире. Выпускает специалистов разных профилей, но заочно ориентирована на воспитание боевых магов.

Ночная Стража — тайная полиция Мескийской Империи, существование которой не является тайной ни для кого. Ночная Стража фактически является контрразведкой империи, защищая при этом интересы не только государства, но и лично Императора. Имеет широчайший выбор полномочий и прибегает к любым методам воздействия — от подкупов до пыток.

Скоальт-Ярд — внутренняя армия Мескии, слуги закона, защитники правопорядка. Организация состоит из нескольких отделов: Констеблиат, чьей задачей является патрулирование, охрана, непосредственное предотвращение рядовых преступлений; следственный отдел, ведущий расследования убийств, ограблений, прочих громких уголовных дел; ош-зан-кай, силы специального назначения, боевые отряды, предназначенные для ведения боев в условиях городской черты, захвата и охраны особо опасных преступников; отдел магических преступлений, как следует из названия, занимающийся расследованием нарушений с использованием магии. Организация базируется во дворце закона (Башне) вместе с Ночной Стражей. Основателями Скоальт-Ярда являлись люди, воители-скоальты, которые были призваны для защиты правопорядка во времена молодой империи. Спустя века эта народность постепенно растворилась среди других человеческих

народов Мескии, но Скоальт-Ярд как организация и как социальный институт стал неотъемлемой частью государственного устройства.

Алхимический университет Калькштейна — высшее учебное заведение Мескии, в котором преподают алхимическую науку. Самое прогрессивное и развитое учебное заведение этого плана во всем мире. Тесно сотрудничает с предприятиями оборонной промышленности. В университете соблюдаются древние патриархальные традиции, женщины ни к обучению, ни к преподавательству не допускаются.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТИ СИЛАНЫ. ПАУК ИЗ БАШНИ. <i>Фантастический роман</i>	5
Глоссарий	561